

Александр ВОЛОВИК

ДОГОВОРИМСЯ

ВОЗДУХЕ

УДК
ББК 84 (2рос=Рус)6
Л25

Александр Воловик ДОГОВОРИМСЯ О ВРЕМЕНИ
Книга стихов, М.: «Новая поэзия», 2006, 264 с.

Художник М. Волохонская

Воловик Александр Иосифович (1942). Живёт в Москве. Окончил, мехмат МГУ (1965). Член Союза писателей Москвы.

Печатался в газетах: «Литературная Россия» «Гуманитарный фонд», «Литературная газета», в журналах «Вопросы литературы», «Крещатик», «Магазин», «Огонёк», «Крокодил», «Алеф», «Фонтан» (Одесса), «Чайка» (США), «Ренессанс» (Киев), «Футурум Арт», в альманахах «Поэзия», «Юрьев день», «Предлог», «На любителя» (США), «Провинция» (Запорожье), в сборниках «Граждане ночи», «Время Ч: Стихи о Чечне и не только», «Облако», «Музыка стиха». Книга стихов «Сам себе автор» (М.: Авиатехинформ, 1996).

И в интернете:

<http://www.poezia.ru/user.php?uname=volovik>
<http://www.lito.ru/avtor/volovik>
<http://lit-obraz.narod.ru/Vipusk1/vip1.htm> ; (а также Выпуски : 2,3,5,7,...)
http://www.litsovet.ru/index.php/author.page?author_id=1952
<http://www.chayka.org/node/3760>
<http://www.pereplet.ru/text/volovik06feb04.html>
<http://www.pereplet.ru/text/volovik29nov02.html>
<http://www.newlit.ru/~volovik/1796.htm>

ISBN 5—7949—0206—X © А. И. Воловик, 2005

ГЕЛИОТРОП

И КУПОРОС

ПО СПИРАЛИ

Творец — теоретик скорее, чем практик.
Венец арифметик — скопление галактик.
Но график развития космоса в точки
по мере прогресса подтянет виточки:
Земля — не звезда же! Пустыни и горы
за место в пейзаже не кончат раздоры,
пока не покажутся — как в окуляре —
двуногие злые смышлёные твари.
Под ними скребутся невинные мышки,
беседуют буквицы с буквами в книжке,
которые молча строчит авторучка
(такая писучая тонкая штучка).
Ползёт паучок по седой паутинке,
качается пчёлка на тощей былинке,
красивая бабочка крыльями машет,
полезный микроб создаёт простоквашу.
Урчит протоплазма в невидимой клетке,
молекула страстно прильнула к соседке,
и вирус становится собственным братом,
и непредсказуемо крутится атом.
Протоны вращаемы (судя по спинам!)
и неисчерпаемо антинейтрино...
Но даже ему не прорваться на волю —
за рамки единой теории поля!

1986

НЕ ПРО ЭТО

Про другое, не про это, про которое всегда —
из себя не строй поэта — просто автор, вот и всё.
Например: летят снежинки; расцветает лебеда;
от тойоты пассажирки открыли колесо.
Может статься, в той тойоте мчался лично Джексон Майкл.
Сувениров я не против и девиц не осужу.
Ну, а если хулиганки — я бы сам бы их поймал,
я за ними бы на танке и стопарь для куражу.
Хорошо — вооружённым вдоль по улице пройтись,
чтоб и девушки, и жёны уважали, как вождя.
Горсть гранат подкинуть в воздух, будто это конфетти,
автоматом марки «ўзи» ненавистникам грозя.
Но ведь я не мафиози, я совсем не боевик,
автомата марки «ўзи» я не видел и в кино.
И на улицу на эту я нечаянно проник.
Извините мне, «поэту», мне домой пора давно.
Там возьму я лист бумаги, карандаш возьму «НВ»
да как выпишу зигзаги, кренделя моей души!
Ничего, что результаты будут, может, так себе,
для меня, для графомана, они очень хороши!

1997

ПОТОК ПОДСОЗНАНИЯ

Оборваны стропы стартующих строк,
и где подсознанию кретину
разлитый на стопки сознания поток
в единую вылить картину!
Вот полбутерброда, компьютер, очки,
порог, поводок, мостовая...
Попробуй, с подругой в метро проскочи,
когда на посту постова!..
А рожи и лица различных систем —
точь в точь как герои мультяшек.
Хоть опохмелиться охота не всем,
но дух в совокупности тяжек.
Подбиты прямым попаданием впросак,
скучая без звона и хруста,
домой к своим мырмам банкиры трусят
и где-то немножечко трúсят.
Прилежный, как снайпер, дитёнок сосёт
пустой указательный палец.
Учёный всезнайка про гранты просёк
и Соросу стрóчит, засранец.
И Вещий Олег изгоняет коня,
и Воланд чудит свои штучки,
и кордебалетом пинают меня
небесные странницы тучки.
И девки путанки глядят из окон,
почти ничего не смущаясь.
Я сам-то с Таганки. Бреду босиком
Простите, что к вам обращаюсь.

1996

К МЫСЛИ

*...и на знамёнах слово УМ
кивало всем, как добрый кум.*

Н.А.Заболоцкий

О последствие из посылки,
импликация почтальона,
предоставлена, как носилки,
вам суставчатая строка.
Я доставил бы Вас в палату,
где ни звука б от Вас, ни стопа,
только ум в унисон халату
головой бы кивал слегка.
Я в палату бы, но потерял
от кастальской юдоли ключик,
он потерял, и вот теперь он
не откроет её ему.
Мы покружимся с Вами в вальсе
на январском ветру колючем.
А что делать мне с Вами дальше —
хоть убей меня, не пойму.

1997

ЛОГИКА

Хоть произвольные слова и произвольны,
но к ним грамматика строга, и ей спасибо.
Так в море: скачут беспорядочные волны,
а глядь — Гольфстрим или другая Куросива.
И в тексте то же: стоит тронуть только букву —
вмиг, подчинённые логическому ходу,
с необходимостью распisanного будня —
глядишь, и сложатся в предпраздничную оду,
или в язвительную злобную сатиру,
или в цветастое любовное посланье —
слова из тёмного обыденного мира,
всегда казавшиеся просто — словесами.
И как волна, усмирена закатом сизым,
прибрежный камешек всё лижет, словно пряник,
так жизнь, хотя и оказалась экзерсисом,
а всё же Логика и ею тоже правит.

1997

* * *

Покамест мы пытаемся
добыть чего получше —
побольше, позабористей,
покраще, пожирнее —
к нам качество является
с количеством под ручку,
не ссорятся, не борются,
но порят ахинею.

Покуда мы кумекаем
над текстом, над картинкой,
над схваткой, над копеечкой,
над сносом, над раскладом —
просвищет жизнь кометою,
безумная кретинка,
позвякивая мелочью,
минуя небо взглядом.

Когда же мы спохватимся,
возьмём себя за ручки,
возьмём пеналы-прописи,
за ум возьмёмся разум —
в начавшейся сумятице
вдруг солнце застыт тучки,
и всё кругом накроется
красивым медным тазом.

1995; 1998

* * *

Какое имеешь ты право
быть лучше, чем кто-то другой,
из общего скомканный праха
и общей набитый трухой!

Но даже затуркан в массовках,
не смеешь быть хуже других,
из личного пламени соткан
и личную трель протрубив.

1994

РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЁН

Распалась вся связка.
Времена, как баранки,
раскатились под шкафы и диваны.
Вот Футурум цепляется за ноги.
Вот Перфектум — в состоянье нирваны.
Беззвучно беснуется Императив оголтелый.
Св. Деепричастие — в обмороке за буфетом.
А на чердаке — окаменелый, как Доротея —
корячится обессиленно Плюсквамперфектум.
В атмосфере плавает
восхитительное Безвремяе:
Ренессанс вперемешку с Ампиром и Кичем...
Остановитесь, пожалуйста,
многоуважаемое Мгновение.
Вид Ваш очень уж необычен.

1983

КОГОТЬ

Индейка держит коготь на курке:
царапнет — и её в расход, как мавра.
А у меня бубновка на виске (как на висте)
и на песке прогноз на завтра.

Я думаю: «Не тронет чертежей
легионер, и не сгнию в оковах».
А между тем, истец его законов,
клинок тяжёлый, нитку рвёт уже.

Не как когда-то Парка-ротозейка,
на службе, а со спицами в руке —
индейка держит коготь на курке...
Да он увяз! Подать к столу злодейку!

И — специи на языке горят,
и повар, как авгур, покончит с птицей...
Я, правда, не сторонник ауспиций,
но закусить (и выпить!) был бы рад.

Индейка держит коготь на курке.
Жаль, без меня произойдёт застолье.
Но я взмахну крылами — належке,
исправив горб отверстием игольным.

1985

ЗА ЖЁЛТЫМ МАСЛОМ

Я из дому выхожу. Я иду в магазин за углом. Надо жёлтого масла купить. Я спускаюсь по лестнице вниз — 21 ступенька: очко. Вижу два чугунных столба. По ним плывут отбросы внутри, целые реки дерьма. У них круглые набережные. По берегам стоят ватерклозеты, это порты отправления. Но я наверху, я над ними, и могучий насос не утянет меня на ужасную кухню, где из вонючих отходов варят жёлтое масло. Я выхожу во двор. В окне барака напротив синяя девка сидит, чай кипятит на газу. Непроизвольно роняю слезу, ухожу налево. На моём пути магистраль. Там оседлали шофёры пахучие грузовики. Там кошки ходят друг к другу в гости. Там трупы пьяниц лежат и стоят. Они дышат ещё не готовой блевотой. Но жёлтое масло влечёт меня, и я бегу вправо, скорей. Вот — магазин! Взоры разинь прикованы к лавке приёма посуды. Лысоватый очкарик с умным лицом из ниоткуда достаёт голубую бутылку: он будет пахнуть как те. И я почти что на животе вползаю в нужную дверь. Хочешь верь, а хочешь не верь: мне привалило счастье. Я вошёл, увидел и приобрёл очень приличное жёлтое масло!

1973

КАК ПРИНЯТО...

Как принято у нас на Востоке,
который, как и Запад, ни с места,
любая маломальская песня
имеет посередке цезуру,
похожую на маленький синус
в его неположительной части,
дотошно соблюдающий фазу
движения в двугорбом режиме.

Как принято у нас, у приматов,
в приличных и порядочных стаях,
уныло, как студентки N-фака,
где N определяется ночью,
выходят от и.о. Гутенберга
на волю — чистой повестью тексты,
крутящие в районе Динамо
свои договорные сюжеты.

Как принятая вовремя доза
от холода спасёт и от СПИДа,
фигура умолчания смысла
восполнит недержание слова.
Как принятый в почётные члены,
миг, якобы прекрасный, недвижим,
и прыгают по строчкам поправки,
как принятые в первом же чтенье.

1994

ПЯТЬ СТРОФ

Иосифу Липкину

Не пройтись ли по карте морскими путями,
с верхотуры упав на тропу авантюр?
Сшить Атлантику Зингером, выйти к Панаме
и по Тихому тур предпринять в Порт-Артур...

Курс рассчитан по лампам в плафоне каюты.
Под надёжным компасом — надёжный топор.
Сорок градусов ром, и четыре минуты,
чтоб сверстать всех навеки в единый набор.

О чугунная матрица в форме матраца!
Напряжённый Гантмахер¹ строки и столбца!..
Представления групп². Матросня будет драться.
Ну, не глупо ли, братцы, стоять до конца!..

Но бессовестно бдит комендор бесноватый,
отпивающий склянку в назначенный час
(да, про ром уже было...), и близится к пятой
и последней строфе земноводный Пегас.

Вот она.

Одинокий мой парус прочертит
незабвенный пунктир в нереальной дали,
и на карте проступят, как водится, черви —
то ли знаком любви, то ли страхом земли.

1994

¹ См. Ф.Р.Гантмахер, Теория матриц, М.,ФМ,1967.

² См. М.А.Наймарк, Теория представлений групп, М.,»Наука»,1976.

ДЕЛЕНИЕ

Микроб сказал: «Делиться надо! —
своей микробихе законной, —
ведь дети — старости отрада
и оправдание судьбы».

Она ему: «В деленье сила.
Хоть нас и много миллионов,
но мы с тобой одна бацилла,
и — кто же, ежели не мы!»

Ах, сколько сил отнимут дети!.. —
бактерии переживали.
Они писали Спирохете
(а он микробам всем отец),

чтоб разрешить им умноженье,
и разрешенье им прислали —
посредством именно деленья
плодить потомство, наконец.

И вот, как повелось веками,
был миг деленья скор и сладок.
Они сошлись: вода и камень,
гелиотроп и купорос.

Семья жила и шевелилась,
но неожиданно в остаток
болезнетворный выпал вирус,
который вскорости подрос.

Он захватил уже полмира:
Москву, Антверпен и Шпицберген,
ему поют гармонь и лира,
и Солнце светит для него.

Не так ли мы, большие люди,
пытаясь Истину низвергнуть,
сидим на ней, как на верблюде,
не замечая ничего?..

2000

* * *

Каков топ, таков и прихлоп
Владимир Герцик

Я жрец жратвы, питон питания.
Переступил порог порока.
Я пекарь пекла, пир пираньи.
Кино кинолог. Рака рока.

Я чадо чада городского.
Я, может, инок да иначе.
Я меч: мочить и мучить скован.
Я парка парка, дуче дачи.

Я кукарача в кукурузе
Кол колокола. Топ в прихлопе.
Шут парашюта, пузо музыки.
Пророк с прорехою на попе.

Я чукчи чучело чумное,
еврей Европы, финка финна.
Вины сугубое вино я
и донна Анна, что невинна.

Я барракуда баррикады
Я прана крана, честь числа я.
Я — истукан у эстакады,
башибузук Бахчисарая.

Я счётчик щёчек щекотливых,
попсовых попок попечитель.
Я послевкусье после сливы.
Душ торопливый потрошитель.

2002

МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Моё «КУПАНЬЕ КРАСНОГО КОНЯ».
Моя вДали «ГОРЯЩАЯ ЖИРАФА».
Мой «МЕДНЫЙ ВСАДНИК», медного уняв
лихого скакуна, чей вздорен нрав,
зрит медным взглядом³ (для внушенья страха).
И спят мои, натужась, «БУРЛАКИ
НА ВОЛГЕ» — на ходу, но сбросив скорость.
Мои «КУРИЛЬЩИКИ», а может, «ИГРОКИ»,
понурысь, как и те, что у реки,
храпят, клубясь, в густой траве по пояс.
И в адрес жён их, крашенных красуль,
моя «ДЖОКОНДА» хмыкнет плотядно...
«НАД ОМУТОМ» моим сверкнёт лазурь,
и сколько, мой «ПРОРОК», глаза ни щурь,
на мне не отыскать порока пятна.
Напрасно «ОБНАЖЁННАЯ» моя
влечёт меня в объятья всё смелее.
О как бы в них хотел очнуться я,
когда бы не валилась на меня
Вселенная в «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ»...
О, мой «ЛАОКООН»... Я сжат кольцом,
удаву в зоб протиснут массой вязкой...
Ещё момент — и жизнь пройдёт, как сон.
Он выплюнет завязку от кальсон,
И вот: стихотворению — развязка!

2002

³ «...я знаю, что если человек взглянул на другого человека медным взглядом, то уж рано или поздно он неминуемо убьет его.» — Д.Хармс.

АЛЕКСАНДР

Александр сказал сурово

Света Литвак

Александр сказал СУРОВО.
Александры это могут.
Их примерная жестокость
переходит все страницы.

Александр вистует клёво.
Александр мечтает много.
Александр покажет фокус
и на небо заглядится.

Александр берёт: вершину,
взятку, даму (на колени).
Александр торгует оптом
и снуёт по интернету.

Александр рождает сына.
Александр взывает пени.
Принимает: залпом стопку
и — за чистую монету.

Александр бежит погони.
Александр разносит вирус
(то компьютерный, то штатский;
то на диске, то — целуя).

Александр сидит на зоне,
умножает плюс на минус,
изрыгает огонь из пасти
и нацеливает пулю.

Александр — ужасный воин,
клоун, бард, поэт и график.
Александр — корононосец.
Он певец и пролетарий.

Александр несётся с воем
на слонах и на жирафах
Александр любит нонсенс
и снимается с гитарой.

Александр — огнепоклонник,
чемпион собачьей вязки.
Александр — любитель пива.
Александр — ценитель слова.

Александр — герой-любовник,
Рыцарь Ордена Подвязки.

— Дайте мне аперитива! —
Александр сказал сурово.

2003

ПОДУМАЕШЬ, БИНОМ НЬЮТОНА!

*Взгляд обольстительной кретинки
светился, как ацетилен*

А.А.Блок

Ищу сюжет, не глядя на реальность.
Что жизнь? — Игры в мозаику расклад.
А прикуп многократно огорчал нас.
Не глядя, я швырну его назад.
Вот, например, с Ордынки на Тверскую
идя... зачем?.. Ну, скажем, за вином,
я встретил бабу страшную такую,
что позабыл, как разложить бином.
Она несла цыплёнка расчленёнку:
пакет прозрачный был красноречив.
В её мозгу уже кипел бульон, как
в моём — бурлит из букв речитатив.
Мы встретились, как трое те у Блока:
ацетилен, матрос и керосин,
но только, в соответствии с эпохой,
был я — (необольстительный) кретин.
Чеканя шаг и ПДД наруша,
она была, как видно, ценный кадр.
И ножки, именуемые Буша,
в пакете исполняли *danse macabre*.
У туалета платного кабины
она своей тряхнула стариной.
В испуге разлетелись воробьи на
другие крыши; кошки стороной
кабину обегали и, мяуча,
неслись, что называется, стремглав...
По небу грузно проносилась туча.
Собор стоял недвижим, многоглав.

О МРАМОРНОЙ ДОСКЕ

Дума

Известны стихотворцы да злодеи. Простой народ не бálуется славой. И непарадоксальные идеи растут в моей башке некучерявой. Вот, например, писатель Достоевский — прекрасно знал писательское дело. Его тут и сравнить, пожалуй, не с кем: он понимал, кому что наболело. И вот висит доска мемориала на доме, где он бодрствовал и кушал, откуда в ночь он выходил, бывало, надвинув шляпу глубоко на ўши... А вот шофёр, фамилии не помню. Водил такси, как бог, без нарушений. Ему найти среди шофёров рóвню непросто тоже: он был, вроде, гений. Но где он жил, с кем знался, матерился, когда почил (а может, жив поныне?), качал права, женился, шёл на принцип?.. И где Доска? — А нет доски в помине. Или вот я: седой, почти что лысый, пишу стишки, чего-то там считаю. О мраморной доске я и не мыслю, но что ж я зря на свете прозябаю! А может, надо, чем мусолить атом, рвать розы славы на другой работе? Устроиться, к примеру, Геростратом, чего-нибудь спалить или попортить... Да я не о себе, а так, к примеру... Ведь рáвно все профессии почётны. Но где-то есть отмеренная мера: одних равнять богам, других животным. Герои же, чьё имя на заборе, о ком шумят, обожествляют коих, не сроду в мономаховом уборе: общественность — вот отоварил кто их! Мораль проста: доска — критерий внешний, по существу, неверный и случайный. А надо жить негромко и неспешно. И наслаждаясь ароматом чайным.

1983

* * *

Сергею Белоголовцеву

У менестреля и министра,
у атташе и алкаша
звенит, как нимб и как монисто,
необъяснимая душа.

Она летает и бушует,
подобна плазме и огню,
и ощущает душу жулик,
и партгрупорг, и инженерю.

Крестьянин, в сумрачном навозе
копаясь кончиками вил.
И за бойцом летит в обозе
душа на паре хрупких крыл.

Интеллигент страны Советов
и соль земли — рабочий класс,
ужель идеализма ветошь — душа —
гнездится тоже в вас??..

Ужели гид нематерьяльный
вас вводит в радость и тоску?
То, как джигит: в сальто-мортале
коня меняет на скаку?..

1981

ГАММА

Когда тигрёнок ест ребенка,
мы возмущаемся: злодей!
Когда ребёнок ест цыплёнка,
нам это много веселей.
Когда цыплёнок ест букашку,
мы тоже рады, но не так.
Когда букашка ест ромашку,
нам за ромашку жаль пятак.
Когда пятак навек потерян,
мы огорчаемся слегка,
но непоколебимо верим
в существованье пятака!

1976

ДУБЛЁРЫ

Легко охватывать детально
весь мир, живя по сто времён!
И вот я экспериментально
на сто дублёров расчленён.

Дублёр шевелит левым ухом;
два догрызают карандаш:
один из них рифмует сухо,
зато другой впадает в раж.

Дублёр снимает хату с краю;
дублёр безмолвствует: хитёр.
С моей женой — уж я-то знаю! —
живу не я, а каскадёр.

Вот мы, дублёры по квартире,
перекликаемся, жужжа,
как будто мы — сорок четыре
обериутские чижа.

Но наше поприще опасно,
ни дня нам не прожить без ссор:
Один дублёр воскликнул: «Ясно!» —
«Туман!» — сказал другой дублёр.

И завязалась потасовка,
и без труда в один момент
дублёр дублёру рушит ловко
его опорный аргумент.

Мы все дерёмся на-отлично:
вот нет уже дублёров двух,
и распадаюсь я как личность:
направо прах, налево дух.

Рефлексы все из строя вышли,
сгустились сантименты в стресс.
Не существую, даже мысля:
утратил к пище интерес!..

Дублёров бешеная свора
меня живьём загонит в ад,
дублёр дублёру не опора,
не друг-товарищ и не брат.

Пора уволить всю команду:
эксперимент зашел в тупик.
Но кто из нас подаст команду?
Кто — настоящий Воловик??..

1984

* * *

Нежностью книжника тронута книга чудес.
Благоухают страницы корицей и сдобой.
Но перечтём не о хлебе, насушенном днесь,
не о текущих лепешках, отравленных содой.

Нет! О рокфоре, светящемся сизой слезой,
об уставном соответствии специй посолу.
Празднично брызнет рассыпчатой пеной Праздрой,
и кордамон, салютуя, зависнет над Псоу.

Срам осетрам, прозябающим в сонном садке!
Жги им глаза, отражённая жуть мельхиора!
И трюфелям: не являются ни перед кем
из-под земли, а уже угождают обжорам...

Странно совку в непредвиденном мире сластей,
трудно жевать сочетания букв — постигая
силу филея, полезность травы сельдерей,
возгласы устриц, ранимую плоть расстегая

Проще усвоить: от сердца хороший коньяк,
чем приготовить уроки: как жрать артишоки.
Вот *кон-соте*, *про-фит-роли*. А вот, на полях
почерком ржавым проставлены цены эпохи.

Славлю поваренный текст за его прямоту,
за лапидарность советов хозяйкам нездешним.
Хочется печь и варить. И дарить животу
сладкую жизнь. Но в разумных пределах, конечно.

1991

СТАНСЫ РОБИНЗОНУ

По следам людоедского полдника, мистер Крузо,
поступает закат в Ваше веденье до восхода.
Нимфу можете выбрать, а если неймётся — музу
и плодить соответственно — гимн, серенаду, оду...

Мне ведь тоже дано хоть в автобусе, уединенье.
Или в кухне безмолвной, один на один с минтаем.
Что Свобода? Она — одиночество, или деньги?
Нет ответа. Поскольку мир — нè обитаем.

Дорогой Робинзон! Позвольте представиться. С Вами
говорит одиночка, к сему не причастный миру.
Я витаю, как Вы, в треугольном моём вигваме,
собираю крушений нетленные сувениры.

Простота воровства, звуковой набор деклараций.
Кособокою рифмой намазан сюжет на образ —
и на клетчатый фон нанесён мой стишок дурацкий,
и какой Аполлон внушил его мне, раздобрясь!

А каков Аполлон, такова и его Эвтерпа.
Таковы и иные: друиды, дриады, духи...
Мне бы только успеть проорать, не сбивая темпа,
что-нибудь посмешней из кромешной моей чернухи.

Мне бы только покрыться пупырышками озноба,
мне бы в гавани спрятаться, не поднимая флагов.
А лавровые веники пусть разбирают снобы
на каких-нибудь их коллективных архипелагах.

1990

* * *

Разноцветного фонарика
принимали в светофоры.
Обещал он всем торжественно
не мигать по пустякам.
Познакомился с напарником,
через улицу который,
и включил свои прожекторы
взад-вперёд и по бокам.

Он очами глянул яркими
на две улицы и площадь
и трёхцветною палитрою
мазанул поверх столбов.
Непонятно птицы каркали
(хоть чего, казалось, проще!)
Проходя, девчонка всхлипнула
(неужели про любовь?!)

Своевременно и вежливо
он мигнул, как бы для пробы,
и слегка поёрзал винтиком
по резьбе, где перекос.
А на красный к неизбежному
шли две юные особы.
А зелёный жук (провинция!)
на зелёный переполз.

Но события стремительно
развивались и крепчали,
хоть ещё непоправимое
не обрушилось — пока
возвращавшиеся с митинга
что-то скверное кричали
и пока ещё не вырулил
самосвал из тупика...

1991

* * *

Но, в конечном итоге,
мир совсем не таков.
Видно, заняты боги
обжиганьем горшков.

Видно, белое с красным,
начиная от роз,
поднимали напрасный,
неназревший вопрос.

Видно, довод невеский
вёл на брань и погром
то шелома, то фески,
каска, шляпы с пером.

В неподдельной тревоге
вопрошаю богов:
— Расскажите мне, боги,
мир зачем? и каков?..

Ветер флаги колышит.
Красит солнце штыки.
Только боги не слышат,
обжигают горшки.

1981

ОТЛАДКА

*из грехов своей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.*

Б.Окуджава

Когда я надену тапочки
и дню подведу итог,
мой дом обратится в капище,
где витает в обоях бог.

Но не светлый, от века благодный,
влюблённый в меня и в вас,
а босс, безжалостный к слабостям,
закованный в «Адидас».

Прогрессивен божеский промысел:
не кудесник, но — программист
по последнему слову Кроноса
оборудовал Парадиз.

Над клавиатурой скрючившись,
диодами посветив,
он выведет яркость ручками
и выйдет в интерактив.

Но ничуть не запахнет жареным
и почти не станет светлей,
когда полыхнёт скрижалями
неопалимый дисплей.

И рубя, как ракеткой погнутой —
вверх и вправо, влево и вниз —
бог разделит на файлы комнату
и загрузит на чистый диск.

Он введёт подправленный радиус
пространственной кривизны
и засвищет, сангвиник, радуясь,
предвкушая конец возни.

За квартирой — квартал, республика
и Вселенная вся, легка,
и хлопчет небесная публика
под мотивчик из ХТК⁴.

Ты прости-прощай, коммуналочка,
универсум родной, адью!..
Демиург мановением пальчика
всю материю свёл к нулю.
Вот сейчас он натянет тапочки
и дням подведёт черту,
и не жалко ему ни чуточки
Вселенную нашу, ту...

Юзер будущей генерации
протестирует интерфейс,
к райским яблочкам просто-напросто
игнорируя интерес.
Райский сад разделил на секторы
и, как будто играя блиц,
он уходит от вивисекторов:
до ребра бы не добрались!..

Всё в итоге опять по полочкам:
мрак на нижней, на верхней свет,
только нам в этом всём с иголки,
кроме ящика, места нет.
Что ж нас гонит — дрожать над безднами,
кейфовать, потупясь в надир,
из грехов мироздания бедного
сотворивших себе кумир?

1986

⁴ ХТК — Хорошо Темперированный Клави́р (И.-С. Бах, 1685 – 1750)

НОГА ЧЕЛОВЕКА

Уже ни белого света, ни белых пятен.
Лицо и тело Вселенной — сизый синяк.
Ария света спета и всем понятен
всякий его закоулок, вздох, знак.

Гадко пищит козырных позывных утёнок.
Начинается с виселиц, как театр, Прогресс.
Трели, дыхание — весь реквизит потёмок —
реквизированы заревами АЭС.

Марсиане ловят прогноз погоды:
Нерушим и свободен стихий союз.
А там — по известным дорожкам —
паучки-луноходы,
стукачи-сороходы,
говнодавы рюс.

И вот, своего не достойная века,
мысль исподняя в стоперстой кишке живёт.
Такая:

ЖИТЬ ВСЁ-ТАКИ МОЖНО,
ПОКА НОГА ЧЕЛОВЕКА
ЕЩЁ НЕ СТУПАЛА
НА МОЙ ЖИВОТ.

1985

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Эразм! Агриппа! Франциск Ассизский!
Пожалуйста, научите меня азам.

Что важнее: лептонов летящих писки,
или списки любовные фамилий дам?

Счастье — это что же: звериный оргазм?
Или, может, счастье — вещизм мещанства?
И нельзя ли обоих их спарить разом,
как, к примеру, время с этим... с пространством?

Скажите, первичнее — ТО или — СЁ?
Или — что-то третье?..

Вот *père* Иннокентий Пятый
все выступал: «Ребята! бросьте вы это всё!
Не берите в голову, ей-Богу! Выпьем, ребята!..»

Или всё-таки прав был бедный сэр Исаак,
не застанный с прислугою ни на пленэре, ни дома,
который понимал, что это — вредный пустяк,
а счастье выражается через коэффициенты биннома?..

Человек ведь смертен, подвержен заразам,
зарезан может быть — в любое мгновение!
Так чего же делать, достопочтенный маэстро Эразм
Ваше с коллегами
каково будет высокоучёное мнение?

1984

ЭПОС И ПАФОС

Дан допинг спортсмену и кофе Бальзаку,
и зелье шаману, и водка Джек Лондону,
но радужный вздор дорогого дензнака
не дан моему вдохновенью холодному.

История сожрана эпосом ложным.
Растрочен весь пафос на склоки и жалобы.
Пегас мой замучен мочалом подножным.
Чья муза бы пела — моя помычала бы!

Конечно, я знаю, на что я надеюсь,
когда я тачаю безделки бесплатные.
Но Эпос и Пафос — как Фобос и Деймос —
то грянут из прессы, то канут, неладные.

Отставленным локтем встречаю опасность,
вминая коленку в ступеньку троллейбуса,
и прячу — до встреч с контролёрами — пафос.
Продолжим наш перечень: время для эпоса,

Дан Пушкин Дантесу и деньги Иуде,
отгружены яблоки Еве и Ньютону.
Да если б не знал я, как именно будет,
то чёрта ли мне развлекаться дебютами!..

Смирить бы гордыню горбатой гортани,
алтыну и тугрику не соразмерную!..
Но нет — я стартую. Швыряйтесь тортами.
Меня не исправить и высшею мерою.

1985

СБИВАНИЕ СОСУЛЕК

Спутав даты февраля и марта,
гляну в безнадёжное окно.
Ледяная выставка поп-арта.
Вернисаж. И всё застыло. Но —

Кто тепла неведомый спаситель,
Супротивник снегу и пурге?
Это он — отважный небожитель
реет на оранжевой ноге.

Посреди сосулек леденящих
ждёт его смертельная дуэль,
и рискуя, что сыграет в ящик,
он собьёт застывшую капель.

Он — герой, и будет, сам не зная,
этим описанием знаменит.
Он тебе за маленького Кая,
тётка ледяная, отомстит.

Он ещё поборется с природой,
ледорубом тоненьким своим.
А вокруг лишь небо да свобода.
Я — не с ним. Но я душою — с ним.

Если мне бы выпала судьбина —
позабыть магический кристалл
и крушить бы лёд — то я бы мимо
этих строк и прочих просвистал.

Как коммунистический ударник,
как высокородный суверен —
мимо бы красот гуманитарных,
мимо политических арен,

мимо деда в стареньком треухе,
ямбом поверяющего шаг,
с ватками, фильтрующими звуки
музыки в простуженных ушах...

Но, к окну приклеен, как к экрану,
я туда не полечу в полёт,
где похмельный дворник с автокрана
ржавым ломом скалывает лёд.

1999

О ЕДЕ

Ротонда пышная! Изысканный Максим!
Не зная ваших недр, не воспитаешь вкуса.
О соус бурдоннэ, жульен с полусухим
Шато де Вилль!.. О негр, похожий на Иисуса,
макающий, смеясь, в полупрозрачный гель
в хрустящем золоте витую тарталетку...
о волны декольте, щемящая Шанель,
о — в горном хрустале цветов мохнатых ветка...

Виденье из других краёв, времён и цен:
безудержный цыган отплясывает в Яре,
и потных чаевых положенный процент
сам заползёт в карман, коль половой в ударе.
Зубастость осетра не вяжется со злом
(как гений)...

О, играй, свет, с хрусталями в прятки.
О алая икра! Божественный залом...
О чуткий расстегай на розовой подкладке...

Или — пельменная... О уксусный настой!
О «Жигулёвское» с наклейкой по лекалу...
(Воспоминаний мёд, горчащий и густой..
Ещё чуть-чуть и в нём тарелка бы летала...)
Или — люля-кебаб: ну что пред ним хот-дог!
Козьявка в пухлом, символчик Америк...
Я в сквере дожую с капустой пирожок.
И брюки подтяну. И молнию проверю.

2000

РАННЯЯ ВЕСНА

Зима сплеховала, и в этом весна виновата.
Азартные игры — где флегма мурлыкала сонно.
Был собственник шара, а стал арендатор квадрата.
Но — вытатуировал номер её телефона...

Грачи токовали, шалили магнитные иглы.
Весны утюги пропекали до вылета лета.
Она затевала с прохожими шумные игры
с весёлой ноги, невзирая на многая лета.

А там, где рыдали прозрачные столбики с крыши,
Снегурочек лица унылые квасились тоже,
и в светлые дали взлетали — всё выше и выше —
крикливые птицы, на синих снаружи похожи.

2002

РАССЕИВАНИЕ В НИЧТО

Сергею Стрункову

Соответствует конец всякому началу.
Сменит солнечный разгул — сдержанность теней.
Раз отправленные в путь приплывут к причалу...
Тело тленно. А душа? Что-то будет с ней?..
Может быть, сорвётся в ад и пойдёт кругами,
или взреет в небеса — пребывать в раях...
Душу то ли подпалит, то ль согреет пламя.
Что же опалить ему, если тело — прах?!..
Нет, негоже жить душе в бестелесном небе.
Только в теле чьём-нибудь или — никогда.
Неужели ж я не прав? — Подтвердите, ребе...
Ну, вот видите: кивнул, это значит «да».
У переселенья душ, может, в том и сила,
что, минуя рай и ад, урну или гроб,
только выдохнешь, и — глядь: ты уже бацилла.
Может, правда, человек. Или, скажем, клоп.
Чуть со свечкой на груди в пиджачке из ситца
очутился на столе, смертью удивлён,
а микроб твоей души уж пошёл делиться:
ты был Вася. а ему имя — Легион.
Значит, делится душа так же, как и мясо:
одному микробу честь — ум другому... Стоп!
Я же это проходил, чуть не в первом классе:
каждый вирус неисчер-
паем, как микроб.
Осознав такой кунштюк, выпьем пару пива:
где-то был копчёный лещ, жирный и большой...
Это ж прямо-таки жуть, просто энтропия —
так рассеяться в ничто — телом и душой!..

2002

Посол

ПО ОБЫЧНЫМ ПОРУЧЕНИЯМ

* * *

Как устроен этот мир,
знают Гегель и Шекспир.
Знают Гоголь и Спиноза,
Шишкин, Пушкин, Барбаросса,
Бибель, Крупская, де Сад,
Сталин, салеи и усат,
шоумены и горнисты
(те, что больше всех говнисты)⁵
Крокодил, PLAYBOY, Вечёрка,
разных умников до чёрта,
Брахмапутра и Маршак.

Только я не знаю, как...

2000

⁵ Вариант для дам: шулера и замминистры.

* * *

Покоя нет.

А.А.Блок

Опять всё застыло? — Да нет, не скажи.
Меняется кое-что в мире.
Вот вышли из моды стальные ножи,
удобные для харакири.

Вот разумом быстрым играет Невтон,
вот дактиль сменился хореем.
И мы изменились — не в этом, так в том:
лысеем, болеем, стареем...

От звёздных громадин и до хромосом,
из вечности дёргая время,
весь мир шевелится — как ёж под кустом,
как плод, извиняюсь, во чреве.

Вселенная, может, спокойней была б,
когда б её не торопили,
умыла бы руки, как Понтий Пилат,
умерила б рост энтропии...

А то, если далее тем же путём
ещё хоть чуть-чуть похромаем —
что будет! Ведь каждый лептончик учтён,
и — вот она! — смерть тепловая.

Всё крутится даже быстрее, чем вчера.
Покой не предвидится, вроде.
И как бы не вышло чего — несмотря,
что ножики больше не в моде.

1995

* * *

Георгию Ницу

Тяжело в раю, когда легко в мучении.
Бремя — выбора: религии ли, знамени ли.
А посол ты по особым поручениям.
А поручена тебе езда в незнаемое.

Привёзешь ли мал цветок или незна́мо что —
в пятилетку пятизвёздную уложишься ли!
И глядишь: уже давно невеста замужем.
И не как-нибудь, а впятеро размножившая.

Либералы обернулись патриотами.
Митингующие снова триколоры несут.
Только публика всё теми же заботами
обозначена: распивочною стоимостью.

Ну, и стоило гонять машину времени
и за тридевять веков выкобениваться,
если всё-таки верна Татьяна Гремину,
а в Стучигороде слёт юных бериевцев⁶!

.....
За нетленную строкой в подсознанку влез.
Не поднял, а почесал длань бессовестную.
Не нашарил ничего — пыл и вышел весь.
Ну и ладно. Ну и хрен с ней, со стоимостью.

1994

⁶ Я потом узнал, что организация «Юные бериевцы» действительно существует в Волгограде.

* * *

Кощей висел в углу чулана
в оковах ржавых и цепях,
и либеральная охрана
гуманно причитала: «Ах!
Ведь это так бесчеловечно —
живое мучить существо!
Забыли мы, что знаний свечка
была когда-то у него.
Ведь нас кощей научили
читать, писать и кашу есть.
Ведь мы же не в каком-то Чили
(хоть пиночеты всюду есть).
Но не чета мы Пиночету,
и наша совесть уж не спит.
Давай собьём-ка цепь вон эту,
тем более он просит пить...»

Он выбрал пепси. Семь бидонов
опорожнил в один присест.
И вот Кощей освобождённый
нас снова учит кашу есть.

1994

10 КРАТКИХ БИОГРАФИЙ

Девочка Маша катается с горки.
Мальчик Илюша копейку нашёл.
Лена скользит на банановой корке.
Митя песок переносит ковшом.
Вовочка дёргает Таню за косу.
Лёва игрушки хватает без спросу.
Катя танцует, Инесса поёт.
Зиночка с бабушкой в церковь идёт.

Маша у зеркала. С циркулем Дима.
Кате почти удаётся шпагат.
Инне сольфеджио необходимо.
Ищет Илья за сараями клад.
Леночка в лифчике прячет шпиргалку.
Вовка за Танькой летит в раздевалку.
Лёва милицией взят на учёт.
Зина на память молитвы поёт.

Таня и Вова готовы к турнирам.
Дмитрий — конструктор фотонных ракет.
Инна в «Ля Скала». Илюша — банкиром.
Катя в «Большой» поступила (в балет).
Лена в «Плейбое» и «Дамском журнале».
Лев под охраной на лесоповале.
Маша — ведущая телепрограмм.
Зина — с утра собирается в Храм.

Таня с Володей — чета олимпийцев.
Катя — звезда. С чистой совестью Лев.
Инна — сопранная чудо-певица.
с Машей — сравнить ли иных королев!
Замужем Лена за южным монархом.
Мальчик Илья стал крутым олигархом.
Димину грудь тяготят ордена.
Зиночка ко-ленопрё-клоненà...

2001

* * *

Бог создал бороду. Чёрт с бритвою пришёл.
Бог создал глаз. Враг сделал телевизор.
Бог дал любовь. Шайтан открыл сексшоп.
Бог — край Обетованный. Дьявол — визу.
Бог дал дорогу. Дьявол — автостоп.
Бог дух явил. А бес придумал букву.
Бог — снова глаз. А этот — телескоп.
Бог — сладкий сон. Чёрт — раннюю побудку.
Бог сделал ноги. Дьявол — мерседес.
Бог воду создал — враг похитил пламя.
Бог — крылья ангелам. А боинг людям — бес.
Бог дал царя. А чёрт ему — Парламент.
Бог — виноград. А чёрт — аперитив.
Бог дал гортань. Лукавый — матюгальник.
Бог — рай зачатья. Бес — презерватив.
Бог дал жену. Шайтан — гарем стоспальный.
Бог — звуки сфер. Нечистый — звон монет.
Бог — сто языков. Чёрт — со словарями.
Бог — Откровенье. Дьявол — Интернет.
Бог весь — Добро.
— А чёрт?
— Судите сами!

1997

ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ

То в кодексе ветхом, то в юном завете,
то в моно-, то в многопартийном труде
ловцы человекoв расставили сети:
то эти — то эти, то эти — то те.
В скрижаль этой жизни я вписан навечно,
но с неба, конечно, хватать не готов
ни пентаконечных, ни гексаконечных,
ни тетраконечных (заплечных) крестов.
Плыву между ними беспечною рыбкой,
кощунствую грязно в бесплотной душе.
А внешне я — паинька с робкой улыбкой,
«пардон», — говорю, — «у-тю-тю», и вообще...
В скрижаль этой жизни я вписан навечно —
не в кучке-могучке, а сам по себе.
Прощайте, ловцы даровых человечков.
Завидую вашей посмертной судьбе.

1990

ОТ ИОНЫ

В чреве кита — удивительно ли, что темно!
Анаэробика: нечем дышать. И фонарик
здесь не горит. И, к тому же, ужасно воняет,
булькающая, непереваренное дерьмо.

Склизкие твари касаются рук и лица.
Воет кишечник, как будто нечистый с амвона.
Но говорю себе: стой, не сгибайся, Иона!
Всё претерпи, или ты над собою — не царь!

Скачет чудовище книзу и вбок на волну.
Компас бы слопало что ли, хотя бы для виду...
Гаснет в просвете резцов
вожделенный маяк Атлантиды,
альтернатива забвению и гарпуну.

1986

* * *

Галине Китаевой

Г оловою я (не при дамах сказать) на Г
А в устах моих одна, извиняюсь, хвал А
Л епечу чего-то, выдавая за стих: наг Л
Я , пожалуй, по нотам спою тебе: ля-ля-л Я

Г оды, говорят, птицы, Галя, не верь.
А нгелы они просто, Галя, учти.
Л ето очередное, Галя: Октябрь — Апрель.
Я за твоё здоровье, Галя, прости...

Обозлясь, укажешь: вот поро — вот бо Г
И с девятого вылечу, как стрел А
И башкою собственной в футбол Л
заиграю ногами всеми трем Я

17.10.2000.

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ...

Э.Т.А. Гофман, Э.Т.А. Гофман!
Вы рисуете в тетради
рюмку с крылышками. Это
значит — Вы навеселе...
Это значит: для забвенья,
вдохновенья, воспаренья,
ради звуков сладких пенья
был наполнен сей сосуд.
И таинственный Щелкунчик,
хохотунчик, кувыркунчик
изготовился зловещим
цыкнуть зубом трудовым.
И когда младая Юльхен
затворится с мужем в спальне
и игрушечный солдатик
честь условную отдаст,
из тетрадки вынет Гофман
псевдогреческую наблу⁷
(ключ от кода) — рюмка звякнет,
крылья в небо понесут.

1999

⁷ Набла (∇) — математический символ, «оператор Гамильтона»:
[$\nabla=(\partial/\partial x, \partial/\partial y, \partial/\partial z)$].

* * *

Оскар Уайльд и Ерофеев Веня
любили парадоксы как эстеты.
А я, простой, как самый русский Ваня,
офорты обожаю и эстампы.
Ботфорты — не люблю, причём не в пику
Великому Петру и Карлу шведов,
а что они по всей стране советов
(полезных) над болотами опеку
повально учредили. А болота
я уважаю — за хвощи, за клюкву,
за топкость, наконец, и за балеты
в них комаров (их песни тоже клёвы...)
Короче, в пику Вене и Оскару,
я парадоксы люблю не скоро.

2002

* * *

Бенедикту Михайловичу Сарнову

Серебряное время. Слом эпох.
Чёртолюбивый Ремизов. Бухой Блок.
Мужелюбивый Дягилев, то ж Кузмин.
Помаргиванье дьявола. Парад зим.
Русские сезоны. Валет бубён.
В черте оседлой зоны — пух, звон...
Сологубу, Брюсову — чёрт не Брут.
А впереди-то — пусто: чёрн квадрат.

ПАМЯТИ Г. В. САПГИРА

Поэт ушёл.

Сонеты на рубашках
печальными качают рукавами,
и камушки разрушенного фриза
мостят ему дорогу до креста.

Да, до креста...

В предпраздничном Париже
(который безусловно сто́ит мессы)
крещённый почему-то Николаем,
не избежит уж Парадиза он.

Улыбчивый ему протянет руку
посланец белокрылый и слащавый
и увлечёт на горнии вершины
для чтения, не слышного для нас.

Он тоже станет ангелом, конечно,
как посуху прошелестев по строфам,
взлетев от лианозовских помоек
в Москву, Париж и далее везде.

Там, вдалеке троллейбусного круга,
в иных кругах, для нас невероятных,
возникни вновь, рассыпанный Лошарик,
из капелек хрустальных — соберись!

1999

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

Памяти Виктора Гиленко

Снова потеря. Всё чаще и злей
этот зажившимся мстительный дар
времени. Гороскопический змей,
словно взбесившись, грызёт календарь.

Ты серебристым таким лепестком,
сном голубого подсолнуха плыл,
с грубостью мира почти не знаком
в переплетенье трепещущих крыл...

Утро, казалось, ещё не причём:
солнцу — сиять, а минутам — ползти.
Знал ли ты утром о том, что включён
день воскресения в счёт Девяти?..

Днём аритмически билась в груди
кровь, и кошмар набирал оборот.
Ах, кабы встреча ждала впереди
с тою, любимой, что вышла — вперёд!

...Был бы конец, как начало, хорош,
смерть бы под вечер казалась игрой
(прямо, как жизнь): тут чуток поживёшь,
глядь — воскресенье; мир, значит, иной...

Нет же!.. Всё кончено до темноты
с узкой, как лист, серебристой луной.
Все чудеса — голубые мечты.
Вот и подсолнух цветёт голубой.

30.07 — 10.08.2001

БОЛЕРО

Владимиру Строчкову

Где гиены и тигры, и прочая злая напасть,
и, гремя, «Болеро» разрывает лиан пелену —
усмирить безотчётные бы «убежать» и «напасть»,
помечтать о простом, поглядеть, например, на луну...

Ах, Селена, скажи, хороша ли была белена?
Верно — да. Ведь недаром тревожна полночная темь.
Не сегодня ли тронулись — материки, племена
с пересиженных мест неизвестно, куда и зачем...

Нет ни воли, ни вольницы в странном движении том.
Только ритма узор, только вредный искус ворожбы.
Это маг, или кто — заставляет стремиться гуртом
к подневольной свободе (другой не приемлют рабы)?

Захлебнулась клепсидра, петух проворонил рассвет.
Ускакала кукушка с курантов кремлёвских ворот.
Тишина, и забыты кликухи несущих ответ
за медлительность мигов и за мельтешенье длиннот.

Но колотится мирные «спи» о бандитскую «вдарь»,
и акцентом тамтама тотального душу свело —
в преисподнюю тьму, или просто в рассветную хмарь...
Но бессменно внезапен финальный обвал «Болеро»,

и упругая чаща упрямо смыкает листья,
и граница свободы, невидимая в суете,
всё равно на замке. Маскируют «Бехштейна» кусты,
и ручные зверушки шлифуют свои фуэте.

1998

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ

Едут мысли, поцелуи,
наставления и боли
едут юноши, пируя
под парами алкоголя.

Едут барышни с глазами,
нарисованными ярко.
Едут маленькие с мамой
и мечтами о подарке.

Едут зависть, удивленье,
доказательство и имидж.
Едут локти и колени,
едут отчество и имя.

Едет бомж, мочою пахнет,
и больной, шарфóм замотан.
Еду я с тяжёлой папкой,
авторучкой и блокнотом.

2000

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ

* * *

Шрифт включает Ё и знак вопроса,
circumflex'ы и accents aigus,
символы Ω-переноса
и значок, похожий на серьгу⁸.

Их, конечно, вытерпит бумага.
В сущности, по-честному, — экран...
Впрочем, есть и принтер...

Вот ума бы!

Памяти хотя бы миллиграмм!

Ведь при этом, значит, переносе
(пресловутом) чистится регистр.
В общий нуль идут: партайгеноссе,
бомж, и академик, и министр.

Переменят плоть и вор, и ангел.
Рыцарь нов, но тот же щит его.
Внешний мир один инвариантен:
косное бессмертно вещество.

Жизнь — иное. Суета и смета,
и — экстаз... Короче, это — Я.
Литеры унылая гамета.
Знойная зигота бытия.

И из этих кубиков, как фраза,
vita nova — сладостно горька.
Фабула единственного раза.
Форма прозябания белка.

1993

⁸@

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР

Бездедушечный мастер работает тонко и трезво.
Совершенство в безделке даётся трудом и трудом.
И бренчит в его ранце не маршалский титул маэстро,
а предметы попроще: палитра, блокнот, метроном.

Бездедушечный мастер совсем не безделками занят.
Он творенье своё для проверки выносит на свет.
Проверяет на глаз: не сверкнёт ли восторга слезами.
Проверяет на слух: зазвенит, или, может быть, нет?

Он собой недоволен и правит в работе изъяны:
то акцент переставит, то охры добавит в сурьму,
то бравурное *forte* заменит на робкое *piano*,
Вот бессмысленный труд! Он и нужен ему одному.

Но гармонию выверив замысла гибким лекалом,
из властителей мира лишь ей подчинён и не чужд,
он свободен смеяться и видеть великое малым,
и общественный скепсис для личных использовать нужд.

И когда он в отделке безделки достигнет предела,
завершив не разменный на зло и добро сувенир,
пусть останется чёрное чёрным и белое белым.
Что он, в сущности, миру, и что ему, в сущности, мир!

Он работу закончил. Дальнейшее, в общем, известно.
Отодвинут блокнот и уложен в футляр метроном.
И, промыв скипидаром палитру, вздыхает маэстро
и торопится к двери — пока не закрыт гастроном.

1985

МОИ ОСЬМИНОГИ

Жил бы от получки до получки,
всё менял бы трёшки на гроши.
Но — головоногие моллюски
завелись в извилинах души.

Две ноги по нашим меркам малость.
Устоять ни-ни! И потому
столько осьминогов присосалось
к радости и страху, и уму.

Я листал бы вяло жизни книгу
мимо треволнений и тревог,
если бы не складывался в фигу
самый мой карманный осьминог.

Да к тому ж, они полны чернила,
брызжутся... То кляксы, то слова.
Ихний слог недавно похвалила
лично Каракатица сама!

Только главный спрут любви и секса
весь в подкорку вкопан, и не зря.
Он уродец: в нём для крови сердце
вместо для чернила пузыря!

Посреди собратьев говорливых,
хитренький, себе он на уме.
Вот и я поэтому не лирик,
хоть большой любитель в буриме.

1988

ИЗ ПЕПЛА

Вот если был бы малость помоложе я,
свисталось мне б, как чижику весною.
И как легко мне было б имя божие
тревожить все буквой прописною!
И у меня в начале были б возгласы.
И я б лупил по ласточкам из пушек.
Но скептицизм умеренного возраста
душе не оставляет побрякушек.
Мне нет с небес бластного вдохновения,
и грош души не заложил я в пекле.
Похоже, что мои стихотворения
из лично моего восстанут пепла!

1988

В МЕТРО

Кто скачет, кто мчится, а кто на метро,
и в недрах читальных вагона,
портфель упирая соседу в ребро,
листает Дюма и Дрюона.

Гремит кольцевая что твой циклотрон,
травмируя органы слуха,
и буква протоном пронзает вагон
с космической скоростью духа.

А мне в непомерной гордыне моей
и книжек читать неохота,
я сам себе автор: Щедрин и Мольер,
сам Дант и за Вальтера Скотта.

Я делаю сам и сюжет, и мотив,
и, как подобает Поэту,
я, лично священную жертву забив,
зову Аполлона к ответу.

Леплю в подземелье слова на слова,
осталось расставить акценты.
Закончу — и сразу мне всё — трын-трава:
ведь я не нуждаюсь в оценке!

Я сам высший суд! Из туннеля на свет
лечу как на крыльях — не хуже!
И ликуя, ответ мне поёт Мусагет,
а мне он — и на фиг не нужен!

1985

ПРОРОК

Ко мне подходит как-то раз
один у светофора,
и ну руками тыкать в глаз,
мол, виждь и всё такое.
За ухо дёрнул, идиот,
аж содрогнулось нёбо.
Впихнуть хотел чего-то в рот,
наверное, микроба.
Отрежу, говорит, язык,
гадючье вставлю жало
и уголь в нутро
Да это ж псих!
Мне психа не хватало...
Я громко крикнул: «Караул!
Садизм! За что боролись!!»,
следуя, чтоб он углём не ткнул
в мою брюшную полость.
Ну, тут он сразу перестал
и сгинул за домами.
И вдруг вдали затрепетал
стрекозьими крылами.
А я с тех пор строчу стишки.
Занятье непустое —
жечь воспалённые кишки
чернильной кислотой.

1988

ПАМЯТНИК

Exegi monumentum

Когда, локтём круша цивилизацию,
я насмерть вжат в автобус, в самый пик,
то чувствую, что ближе стал к Горацию,
точней, к тому, чего он там воздвиг.
Что ж мне за обелиски что ли прятаться!
Для пантеона я созрел почти.
Вот мой проект: вишу под 30°,
в руке пятак и в воздухе очки.
Вокруг, как подобает, предстоящие:
скопление сумок, туловищ и шей,
и выставка красивых, как по ящику,
отечественных в том числе вещей.
Глядел бы век — вздохнуть бы мне сподобиться...
Гораций! Вам бы жить при НТР!..
Гораздо те мудрей, кто вне автобуса,
владельцы «Мерседесов», например.
Как жаль, меня когда-то не заметили,
а то и мне бы в «Жигуле» — лафа!
Ведь я ж не хуже их, и междометием,
даст бог, не зарастёт моя строфа!
Но мне бензином их не оскоромиться
Вишу, не отоваренный фирмой,
и истекает чей-то фарш сукровицей
на монумент нерукотворный мой...
Пусть мудрецы вершат свои деяния,
мне не до них: и у меня дела.
Да мне и изваянье подаяние,
и уж подавно не до барахла
Но есть такие вещи, друг Горацио,
какие — ты, конечно знаешь сам,
которые всё снятся нам и снятся нам,
всё снятся нам и снятся, мудрецам.

1985

* * *

Коли можешь не писать — не пиши.
Якобы Л. Н. Толстой

Вот я пишу. А ведь мог бы совсем не писать.
Лев Николаевич были бы мной недовольны.
Лучше пахал бы, мозолисто сжав рукоять.
Лучше тянул бы баржу вдоль по матушке Волге.

Лучше вертел бы баранку да шашни крутил.
Строил бы хлев и дитёнку строгал бы баклушки.
Что ж тебя тянут потоки сгущенных чернил?
Рифмы какие-то... Ты не срамился бы лучше.

Лучше б возил по деревне бочонок дерьма.
Все ж золотарь, не чета дураку графоману.
Лучше б паял да лудил. И не те времена,
чтоб за строку поднесли тебе хоть по стакану.

Лучше бы в вольном эфире шукал Би-би-си,
в век перестройки держал бы кармашек пошире.
А амфибрахии к каждому просятся в стих.
Пусть обождут: невпротык положение в мире.

Вот, как подумал бы Лев Николаич Толстой,
если б узнал, что пишу я, а мог не писать бы.
Непротивленец был граф. А огрел бы сохой —
не зажило б и до самой серебряной свадьбы.

1990

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИРОПАТОЛОГИИ

Лирический стих воплощает душевную боль и, стало быть, служит симптомом душевной болезни. Пожалуйста, лирик, к врачу обратиться изволь. Гляди, из души у тебя уже чирьи полезли! Но целый консилиум будет сметён помелом коварной бациллы, хоть предан по гроб Гиппократу. И вот: извергают верлибры проктолог и ЛОР, жуёт логопед амфибрахия трудную вату, и всё раздраженной поводит плечом терапевт, готов хирургическим ножиком чикнуть уролог, юродивой ниточкой тик посылает привет врачу психиатру

Но рёв бормашины недолог, и нерв удалён воспалённый, и вроде, тип-топ. Кейфует душа, в постирушечный пар окунувшись. Лирический стих побеждён, как последний тевтон, чтоб больше не смел наводить на окрестности ужас.

1987

* * *

Софье Михайловне Олиновой

Как сказать — тихо, или погромче?
Да, пожалуй, лучше будет потише.
Хотя можно и грохнуть что твой погромщик:
как война, рифма всё спишет.
Это розы её, метаморфозы,
пресноватая кровь сам-друг с бровью
расправляют в плавленый сырок рожу,
(и моя, гляди, вымя коровье).
И проходит жизнь, и почти рядом.
Покопайся в склизких её анналах.
Ну, не рифму сыщешь настырным взглядом —
хоть в обмылках быта её аналог.
За которым, когда он как звук подан,
в потрохах эпохи ни эха: тихо.
Вход забыт; выход забит кодом...
Выйти так, иначе ли?.. Метод тыка
всех надёжней, ибо — и в том хохма!
—
жизнь сама утечёт, бурнѐй рвоты.
Но — сама-сама, а всё ж так хоть бы,
а иначе очень уж неохота...
А зависит ли судьбы окончанье
от того, как зависнет луна в туче?
От того, засвистит ли в свисток чайник?
И от громкости слова?..
И как — лучше?

1998

* * *

Душа моя, я бессловесный твой.
Тебе я бедный родственник телесный.
Прости мне этот лепет, этот вой,
что в простоте я называю песней.
Прости, что не могу как на духу,
освободить тебя от оболочки
и только колупаю шелуху
на матерьял для самодельной строчки.
Душа моя! Пожалуйста, проснись!
Прости, что вдохновенья миновали,
и всё, что есть, всего лишь экзерсис,
игра высокопарными словами,
что в час, когда иные везунки
скакали к небесам на Сивках-Бурках,
не рвался с ними я вперегонки —
тебя лелеял в пухлых закоулках,
на вкус не ощущавшую потерь
и завистей не знающую скрытных...
Душа моя, давай, взлетим — теперь,
крылами ревматическими скрипнув.

1989

ПОЭЗИЯ. СТАНСЫ

Мой спорт — Поэзия.
Четырёхстопным стартом
сперва размяться: станса три-четыре.
Потом ещё стопу добавить справа
и переинсталлировать акцент.
С восторгом графомана-перестарка
сбить смысла чучело
остротою пробной в тире —
тирэ — лирическом и рифмою корявой
дать фору славным классикам со стен.

Поэзия, моя непыльная работа,
чернильная висюлька вдохновенья,
включай свой механизм слогаподачи,
слонопотамом вдумчивым реви.
Осуществляя таинство Свободы,
кусай себя, подобно сколопендре
и саламандре, хоть горя и плача,
для ради извлеченья «до-ре-ми».

Поэзия. Моё, как говорится, хобби
по интересам. Литобъединенье.
Кружок друзей. ДК. Кружок поэтов.
Литстудия в парткоме ЦДЛ.
Цех первой книги, и в его утробе
в порядке многомесячного бденья,
старателен, а более приветлив,
я потихоньку зрел. И вот — созрел!

1997

* * *

Дело, может быть, совсем не в том,
что́ за дело, важно — кто создатель.
Кто получит яблочком — Невтон
по балде, иль просто обыватель.
Я б сказал, к примеру, — «Надоел
ямб четырёхстопный: всяк строчит им» —
и куплет октавой бы пропел...
— Хрен он был бы кем-нибудь прочитан!
А однажды Гений и Талант
в строчку приведёт милицанера
и глядишь — он Автор и Гигант,
всякая стена ему — фанера.
Он как хочешь — так и колбаси.
Я ж — как ни выпендривайся — тщетно.
Ни тебе народного мерси,
ни на презентации фуршета.

1996

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Извращенец: увидел природу,
шмыгнул носом и лезет в карман
за книжонкой своей записною —
зафиксировать буквой пейзаж.
Описание это народу
так же нужно, как мне или вам.
А он чёркает снова и снова,
слова, значит, художничек наш...

1998

* * *

Имануилу Глейзеру

Не надо глупостей нести
в собрание знатоков.
Они поймут — что́ стоит стих,
и автор кто таков.
Вершится строго ихний суд,
бесстрастен приговор.
Они то «Фэ!» произнесут,
навек то есть позор,
то закричат: «Вот это да!
Талант — как ни крути...» —
и пошагаешь без труда
по торному пути.
Мне всё едино: свет в окне,
иль мрак средь бела дня...
Скажите, знатоки, и мне
чего-то про меня.

1998

ИГРА

(Прагматически)

Что значит «творчество»? — Оно игра.
Не надо морщиться, водить поря.
Не жалкой салкою, не в домино,
а — вроде сталкера (см. кино).

В ночи торжественной, как балдахин,
жужжат торгующие барахлом:
— Да это ж лежбище баллад и рифм...
— Нет, это гульбище шарад и хохм...
— Ах, это поприще ума и чувств!..
— О вакханалия слогов и нот!..

(Скептически)

Да это, знаете, мура и чушь.
кому не náлили, тот и не пьёт...
Цугцвангом шествуя из бара в холл,
упал вистующий: был мал да хил...
Там и торгующие барахлом,
где храм торжественный,
как балдахин.

(Романтически)

А в утлой хижине, ковчеге дум,
как неподсвеченный, бледнеет ГУМ,
летают чижики, свистит лапта,
и лунным светочем ночь залита.

В сиянье месяцев, в потёмках дней,
миры мерещатся миров чудней.
Они реальнее вещей и тел.
Не тьма анальная, а леса тень.

Не скрежет лифта и не шины всхлип,
не ворон, каркая, роняет сыр,
а — шорох лиственниц, рыданье лип,
дриада арфою струит эфир...

Эфир, как плазма, а душа — фужер,
да не преполнится ея объём!..
Наглядным пламенем из фибр, из жерл
да вспыхнет Творчество — Игра с Огнём!

1992

МУЗЫКА

Дело, кажется, швах, лопнет кожица в швах барабана,
До удавит валторну, органом взревет клавикорд,
и басовым ключом отомкнёт багинеты охрана,
и маэстро рванёт из оркестра и скроется, чёрт!
И сиятельный Бах развернёт оскорблённые брови,
и смахнёт незаметно на лацкан скупую бемоль,
и кровавый взорвется аккорд у сопрано в утробе.
Рухнет замертво мир, поражён глухотой, как бельмом.

И умрут контрапункты, навязшая в клавишах жвачка.
Изумрудом и охрой мазнёт нас огня помело.
Мы летим под уклон, нас летально нуклон перепачкал,
и летает не клёвый пришелец, а чёрт в НЛО.
Вот он реет над нами, флюидами праха пропитан,
мастер магии мрачной и злой виртуоз похорон.
Выстриг фрачные фалды, хвостом опрокинул пюпитр
и, летя, улюлюкает в переносной какофон!

Мы уплатим налог на молитвы и сладкие звуки:
дискжокей, гогоча, заколотит нам в лоб децибел.
вивисекция лебеда — благо для гитик науки:
как сулил постулат — он не сдох, пока не досипел.
К пароксизму прогресса поспели смертельные споры.
С ними споры безумны: они уже тут, на губах.
В темноте вместо нас расцветают рябые узоры —
сглазил чёрный маэстро, и дело действительно швах.

1985

ЗАВИСТЬ

Становится ясно, что, кроме воды кипячёной
и рифмы, ничто — сотворённая мною строка.
И белая зависть, темнея, становится чёрной,
и грудь каменеет, и тянется к яду рука.

Но всё-таки зависть ещё не смертельна, пока
ответствует разум эмоции этой никчёмной.
И я не Сальери какой-нибудь недопечённый.
Я благоразумен, и мне не свалить дурака.

Мне — литеры вновь перемешивать вплоть до нуля,
забить кулаками как тесто распухшую зависть.
Амбиции в сторону! Ступу заправить, не зарясь,
водой, и толочь её — лишь развлечения для...

Но ступа взлетает, и я на борту её — заяц.
И чёрная зависть, как ведьма стоит у руля.

1988

БУКВЫ И ЦИФРЫ

Как неверный супруг, урка мафии, или, как агент ЦРУ, я живу двойной биографией и, наверное, так и умру. С утра, развозящий цифры по вдрызг ледяной Москве, я ночами играю в игры с буквами: А, Б, В...

Вроде граней кубика Рубика (но проворнее) их кручу, и в скрипе мне слышится музыка, (одна из моих причуд), может, бледная или резкая, а по мне — как раз в аккурат, за застиранной занавескою бормочет всю ночь подряд...

Но наступит число на грабельки в одно из пасмурных утр, и те цифирки как кораблики, в рублик сложены, приплывут. В этой связке: Рубики-рубрики компоненты равно важны. Суммы пусть будут кругленьки, остальное — любой длины.

Приручившему стаю ангелов зла-добра не пресечь черту... Как атлет, увенчанный штангою, равновесие грузов чту. Может, цифирки повесомее: их ведь меньше на тот же вес, но зато от них больше оскомины, а от буковок больше чудес.

И пока эскалатор стонущий, обживаемый мной встояка, репетирует рёв чудовища, я, подрёмывая слегка, чудесами и пользой схваченный, балансирую на тропе, как отец перекрёстной мафии или ставленник КГБ.

2001

ДОГОВОРЁННОСТИ

...другим дырка от бублика.

В. В. Маяковский

Договоримся о времени,
скажем, 15 без четверти,
скажем, столетье текущее,
месяц, допустим, июнь.
Договоримся об облике,
скажем, в берете малиновом,
типа — высокоморального
(кто недоверчивый — сплюнь).
Договоримся об облаке,
чтобы высоко, мобильное,
шитое белыми хлопьями,
радостное от обнов,
плыло кометой решительной
в сладком компоте малиновом
в сторону розовой вечности
ровно в 15 часов.

Договоримся о воздухе.
Договоримся о вечности
Договоримся о рубрике.
Договоримся об облаке.
Договоримся об облике.
Договоримся о бублике...

2002

* * *

Мои стихи формальны, не душевны,
не оттого, что я от вас скрываю
свои признания и свои прозрения,
сомнения, вдохновения, размышленья,
своей судьбы кудрявые загибы,
А потому, что НЕТ их у меня!
Те, кто имеет подлинную душу,
такое бестелесное создание
(т.е. созданное нечто — не известно,
кем, для чего, зачем, когда и сколько),
они-то этим обладают всем...
Они витают в разных эмпиреях,
они нектар с утра употребляют,
амброзией занюхивают чинно,
перо в персты, и — рифмы потекут...
А у меня подобные понятия
(когда я трезв), глухое раздраженье
лишь вызывают. Только кружка пива
внушит и мне лирический настрой,
текущему подобный. Но теченье
его не до Каспийского дотянет,
как Волгу — моря; седины Байкала
не замутит мой неглубокий стих,
и Логика великая (с заглавной
её пишу я буквы) не одобрит
высказываний этих некорректных,
в которых смысла не было и нет.

2000

* * *

*Дм. Авалиани, А.Бубнову, Г.Лукомникову, С. Литвак —
мастерам стиха, палиндрома... Вообще — мастерам*

Палиндромы, анаграммы, листовертни и т.д.
рыщут как бы за горами и в неведомой воде.

Наклонись за отраженьем, глянь, и вытянешь сюжет —
и из пальца, и из жмени, без страданий и без жертв.

Без какого-либо катор-
жного рабского труда
с симметричного плаката в рифму лезет ерунда.

Но за этой ерундою, незаметные почти,
славу стройке и удою запевают трубачи.

Они дуют, поддувают, раздувают смысла свет,
но выводит их кривая в те края, где смысла — нет.

И бесформенная заушь кличет книжку и тетрадь
плакать твёрдыми слезами, зябким смехом хохотать.

Ни сюжета, ни морали, из трезвона бубенцов —
чики-брики, трали-вали, ёксель-моксель, цекон цов!..

1999

УЛЁТ МУЗЫ

Я в смятенье, в панике: улетела Муза.
Ах, камена старенькая, ты ж пропадёшь!
Хрен с ними, с сонетами, наелся их от пуза.
Надо догонять её, хошь, не хошь!..

Шапку на все пуговики, на ноги перчатки
(с классиков по буковке, глядишь — сюжет).
Ох, творить не хочется... В текстах опечатки...
Вылетела в форточку!.. Что за жест?..

Бабуленька, милая, не видали даму?
Ну, такая: крылья, венок, ридикюль...
Шлейфом пыль сметает вместе со следами...
И ещё летает, легка, как тюль...

Говорит бабуля: «Да что ты, дядя!
Я тут караулю день-деньской.
Интересно дело сидеть, на вас глядя,
но я не углядела дамы никакой.

...Рыщу по бульвару, Остоженке, Ленивке,
по заулкам малым (её пугает шум).
Зыркаю по окнам: может, по ошибке...
Помолчите, бабушка, я Музу ищу!

А она всё шепчет чего-то, шепчет.
Всё сжимает странный смешной ридикюль...
В венке облезлом... И шлейф поблекший
хлопает, как выстрел, о шаткий стул.

2002

KAP

HABAY

КОФЕЙНЫЙ АРОМАТ

Ольге Постниковой

В первые годы после отмены кофе
я иногда, по праздникам, нюхал банку
и вспоминал безразвратно прошедшую юность,
активизируя носомоторную память.

Но постепенно таял кофейный запах,
юность казалась чем дальше — более пресной,
более трезвой, лёгкой, как сновиденье,
и, наконец, безуханная, потерялась.

Всё это шутка. Кофе не пил я сроду.
Банку стеклянную расколотили дети.
И никогда-никогда молодым я не был,
а с седой бородой рождён 50-летним.

1986

НЕКСТАТИ О ПТИЧКАХ

На время забыть об общем,
частности тронуть.
Залаять, увидев ворону в пушистом небе,
и постараться
в предправедном гнев
именно в ней увидеть врага.
И не глядеть в ту сторону,
где с когтистого трона
стаи ворон и воронов,
так же, как эту ворону,
внушают небу:
Кощей, в облаках упряган,
и Баба-Яга.
Двугорбым парит Араратом
ревность моя к пернатым
Черна и бескрыла зависть —
ведь мне не достать, не доставить
на борт Ковчега
малой жижицы ила, почвы грядущих кочевий.
И не сконструировать в бункере кивера
мирное мне гнездо.
От начала тетрадной страницы
и до
голубых гильотин в мастерской переплётной
я все пел бы и пел, и друзьям перелётным
было б слаще мне сниться
среди синевы.
Но сказано: «Жука клевала птица.»
«Хорёк пил мозг из птичьей головы»
Но птица Рух, таскавшая птенцам
заместо мух — из них воспитанных слонов.

Но Буревестник,
небесам
кричащий о примате катастроф!..

Меня остановили эти «но»
и предписали частности забыть,
об общем вспоминая.
И вот: от чёрных крыл темно,
и морщит небо и знобит,
рябит в глазах всё та же злая стая,
которой имя — миллион.
И Баба страшная Ягая
всё шлёт и шлёт
своих ворон.

1986

СКАЗКА

Ребенок в доме — гость в доме.

Нар. мудр.

В сущности, это не сказка, а басенка,
правда, она без морали в конце.
Леночка Глинская вышла за Васеньку,
стала ходить при кольце.

Сам деловой был, работал начальником,
так что супругам неплохо жилось.
Вот и Ванюшка поспел уже маленький.
В доме ребёнок — что гость.

Гостю положено самое лучшее,
сладостей разных заморских — завал.
Мальчик растёт, помыкает игрушками.
Куклам — носы оборвал.

Кошку казнил — не царапай царапинки.
Столб повалил — потому что силён!
Старится маменька. Старится папенька.
Станет начальничком — он.

1985

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ

Я, вроде, совсем здоров и кормлен, как на убой.
Но семьдесят тощих коров сон будоражат мой.
Семьдесят тощих коров, одна костлявей другой,
под собственный жалкий рёв проходят передо мной.
Им твёрже камней корма, пустыня — уют и приют.
За ними горы дерьма — пейзаж создают.
А далеко вдали, среди заливных лугов,
за круглотой земли — стадо тучных коров.
Млеко их — чистый мёд. Кличка им — легион.
Что ж ни одна нейдёт в мой повседневный сон?..
Одних лишь тощих коров я вижу перед собой,
хоть совершенно здоров и выкормлен — на убой.

1986

1933

Страна погибает, и чем мы прогневили Бога?
Газеты полны описаний и фото поджога.
Я в хронике видел преступника, как его, Люббе,
глаза сумасшедшие. Как полицейский с ним груб был!
Как жить теперь, ребе, и мы не смертельным ли креном
при новом рейхсканцлере к новым пойдём переменам?..
Ещё поджигатели хоть не из наших, спасибо,
а то началось бы — упреки, поклёп, перегибы...

1992

ВОПРОСЫ К ПРАВЯЩИМ КЛАССАМ

Я не допускаю недоплаты в кассу,
не плююсь в окошко, пользуюсь платком.
И спрошу вас прямо, правящие классы:
разве не мечтали вы обо мне таком!
Верю вашей «Правде» и «Труду» лихому,
«Би-би-си» глушил бы собственной рукой!
— Ну скажите честно, что же мне — такому! —
памятник при жизни не светит?.. никакой?!..

1986

* * *

Вкусно мастера потчуют власти,
чтоб он кисточку верно держал,
чтоб перо поберёг от напасти
и крамольную ноту не брал.
Сыт поэт чечевичным обедом,
пьян прижизненной славою бард —
вот и ладушки! Снова победа
за тобой, боевой авангард.
Эта верность художника хлебу
и нескудно дающей руке
вознесёт его, может быть, к небу,
как пророка в гремящем возке.
В этом небе, где будничен праздник,
где красна не заря, а — звезда,
сколько их, нехороших и разных!
Что их гонит — похлёбка? беда?..

1986

ДИАЛОГ, ПРЕРЫВАЕМЫЙ СТУКОМ

- Ни дня без строчки — кто сказал?
- Портной.
- Ни дня без точки?
- Ясно, что точильщик.
- Ни дня без пачки?
- Может быть, курильщик?
- Нет, балерина.
- Как! А в выходной?..

- Ни дня без вышки?
- Мастер буровой?
- Палач, дурак!.. Ни дня без почки?
- Фито-патолог, что ли?
- Нет! Хирург из ЦИТО.
В мадере почки жарит он порой.

- Ни дня без качки?
- Нянька?
- Нет, матрос.
- А может, спец по правовым наукам!..

- (стук)

- Кто там стучится?
- Тоже мне вопрос!
Стукач, конечно.
Чтоб ни дня без стука.

1988

К ХОЗЯЕВАМ

Волки не мы, нас давно приручили.
Киньте нам палку — и мы понесём.
Врежьте нам палкой, чтоб лучше служили
мы и не визгнем, виляя хвостом.
Нет никого нам дороже и ближе.
Лейте помои — мы выпьем за квас.
Чем повернётесь к нам — то и полижем.
Только издохнете — взвоем по вас.
Если ж вас кто-нибудь матом обложит,
Мы зарычим, обнажая клыки.
дескать, хозяин не так ещё может,
скажет: Возьми! — разорвём на куски.
Скажет: К ноге! — мы опустим приклады.
Скажет: Тубо! — значит, всё хорошо.
Много не надо нам — косточке рады.
Ну, и к окладу б червончик ишшо.

1983

КЛАССОВЫЙ ВРАГ

Мой классовый враг гегемон гегемоном,
поллитру за милую душу он съест,
в дублёнке, пропитанной одеколоном,
попрёт на такси делегатом на съезд.
Он явится бодрый на эту малину,
и в зале, рыгнув, он поднимет мандат
за то, что народную жрёт осетрину
бесплатно! и Главному кореш и брат.
За то, что он свой безусловно и в доску,
за то, что он строить готов и крушить,
его отоварят в закрытом киоске
ковром и селёдкой — даёшь дефицит!!..
Вот он обеспечен икрой и салями,
увенчан кишкой туалетных бумаг.
Товарищи! Социализм перед нами!
Не слишком ли *развит* наш классовый враг?!

1981

МЛАТ

*Так тяжкий млат,
Дробя стекло, куёт булат.*
А. С. Пушкин

Млат колотит вдребезги стекло,
горный и искусственный кристалл.
Радужное время истекло.
Острый век осколочный настал.
Млат ведёт весёлую игру.
Что ему осколков водопад!
Млат мастак не только по стеклу.
Млат куёт другой такой же млат.
О моя прозрачная страна!
Зеркала, приборы, витражи.
Пред тобой молчания стена.
Прозвени! Хоть что-нибудь скажи.

1986

ВЕДЬМИН МУЖ

1.

Когда чертовщина ползёт по Москве
и каждый рассвет одинок, как последний,
идуший к потёмкам, и теплится свет
светила, чей профиль, как противень медный —

пруды патриархии брошены в сквер:
они за решёткою будут безвредней...
В такое-то время — ты! — сделалась ведьмой?!..
когда чертовщина летит по Москве?!!..

В короткой записке враньё и издёвка.
должно быть, писала ты навеселе.
Я знаю, к кому улетела ты, ловко
круша фонари, на своём помеле!

А я возвратился из командировки
и нет тебя. Только листок на столе...

2.

Пока газеты шелестели, взывая к классовой войне,
летели светлые недели в арбатской лёгкой тишине,
бил в окна май зелёной масти, план перекрыв по листажу.
Мещанское, но всё же счастье зажгло, казалось, абажур.

Пока вполсилы миллионы ложатся в ров за рядом ряд,
горят Арбатом лампионы, а рукописи — не горят,
и в скучной суতোлке службы, между планёрок и речей,
единственный твой профиль нужный вставал из пепла чертежей.

Но пробил час нечистой силы, всплыло весомое дерьмо,
и чёрным вороном настигло меня безумное письмо.
О как прозрачен шифр твой детский:

«Я стала ведьмой. Не ищи».

Да как найдёшь тебя в советской полярной ночи и глуши!

Ни гром, ни ветер не ответят, где труп твой, сколько бы ни звал.
И даже дьявол не ответит за то, что правит этот бал.
Лишь пляшет мразь поганой стаей, круша сознанием бытиё,
и всё живёт и побеждает афёра вечная её.

1984

МУЗЕЙ

(Из архива бывшего плохого, а теперь хорошего поэта)

Заходите, пожалуйста, это — дом поэта.

Д.Самойлов

Мемориал ещё закрыт: пока что я живу,
Пожалуйста, умерьте прыть, не лапайте вдову.
Ещё ремонта не было, из всех щелей сквозит.
Нет подходящей мебели: на даче реквизит.

В квартире грязь не убрана, гори она огнем.
И дерево не срублено над знаменитым пнем.
Тетрадки нет линованной для рукописных нужд
(в ней будет бред рифмованный, который массам чужд).

В спецхране не пылится крамольный экспонат.
Убавьте скорбь на лицах: не мученик не свят.
Сперва дождитесь акции, чтоб я хотя бы сел.
Пока прогнозы так себе: завал подобных дел.

Как сладко вам поплачется в кругу моей родни,
когда, как всюду значитса, за мной придут они.
Сквозь смрадное дыхание грядущих понятых
мне судорога заранее уродует поддых.

Вот-вот всё будет кончено. А вам пора бы знать,
в чьей лапе перепончатой музейная печать.
Пока что не зевайте, закупайте фимиам.
Когда здесь побываете — валяйте в филиал.

1983

* * *

Наверху идеологи видные
завершают идей торжество.
А народ ровно девка на выданье:
Кто-то завтра потопчет его?
Кто возьмёт в рукавицы ежовые?
Кто по жопе легонько лягнёт?
Кто метлой разухабится новою,
той, которая чисто метёт?..
И народ ровно девка потупился
и готов уже скинуть штаны.
Не робей, идеолог, получится!
Вновь в неволе размножимся мы.

1983

ДЕЙСТВИЯ

Человек встал от стола.
Отложил авторучку.
Подумал с тоской про премию и получку.
Поинтересовался через стекло,
о чём стрекочут скворцы.
Вынул из ящика и пососал
зелёные леденцы.
Ногой пододвинул стул к столу.
Чихнул.
Постоял у дверей.
Радио выключил.
Взял авторучку.
И в пятой графе написал:
еврей.

1977

СЫНЫ

Сеансы связи с Вашингтоном
помехами заглушены:
гудят по номерным конторам
России верные сыны!

Они не жнут тяжёлый колос,
не забивают звонкий гвоздь,
чтобы не врал нам вражий голос,
незванный агрессивный гость!

Сынов победные диоды
сродни штыку и топору.
Как ненавидят их шпионы
и резиденты ЦРУ!

Сыны им спутают все карты
и тех, чьи помыслы чисты,
спасут от грязной пропаганды
и оголтелой клеветы!..

Зато по запертым сортирам
Мои сограждане вольны
владеть очищенным эфиром
на частоте любой волны!

1984

ПОСЛУШАНИЕ

Мне говорят: усомнись — доверчиво я сомневаюсь.
Мне говорят: ненавидь — я ненавижу любовно.
Надо ли мне ликовать — я безвозмездно ликую.
Надо скорбеть — посмотри: искренне я безутешен.

1972

ЦИРК

Пора, пожалуй, в цирк, в программе наше время.
Приобретён билет по блату и в кредит.
И вот — угар фанфар клокочет по арене,
гремит мотоциклет и из вольер
смердит.

Ещё летит манеж по замкнутой спирали,
сливаясь сам с собой и взлёт в зенит суля,
ещё медведи жмут на нужные педали
и празднично ревут, балдея у руля.

Но вот — уж не смешно от липкой оплеухи,
осточертел атлет с гирляндой ватных гирь,
и в ложу царскую уже слетелись мухи —
там, репетируя, кровоточит упырь.

Коня! Скорей коня! Полцирка — за Пегаса!
Сперва хоть пару слов, а там — да будет свет!
Притихнет бенуар, и зрительская масса
шталмейстера сметёт и сменит худсовет.

Займут свои места патриции трапеций,
распределит жонглёр в пространстве семь шаров,
исчезнет вурдалак, оркестры грянут скерцо.
Виват, прекрасный цирк в прекрасном из миров!..

Но как коварен маг! придурковат ковёрный!
Как публика мудра — где следует — смеясь!..
А мы под куполом. В дверях торчит дозорный.
Он вырубает свет, и кончен наш сеанс.

1984

ПЕСЕНКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИКОВ

*Спрашивает мальчик: «Почему?»
А папаша режет ветчину.*

А.Галич

А у девочек банты и шапочки,
а у девочек мамы и папочки.
А у мальчиков — отчимы-мачехи.
Для чего только сделаны мальчики!

Для чего с ними цацкались сызмала,
Изнуряли касторкой и клизмами,
поучали: «Не надо печалиться»,
«Будь здоров и спасибо-пожалуйста».

Приносили по праздникам пряники,
притворялись, что нравится в пряталки.
По утрам приседали, как шизики,
репетиторов брали по физике.

То гоняли на сборы-собрания,
а теперь — как тельца: на заклатие.
Не на горку библейскую с кущами,
а в ущелья, что за Гиндукушами.

Там давно уж освоили местные
топоры и приклады железные
и железные верные методы
против тех, кто суется с советами.

Но под сенью матчасти ракетчики
свои брекфасты сдобрили кетчупом,
загрузили нефтяники Каспия
до отказа цистерны бокастые,

и уже наши славные соколы
по бетонке по взлётной процокали.
Ничего, что дождливо да пасмурно,
помашите рукой вашим пасынкам.

Им споют подсадные товарищи
и про пыль от сапог от шагающих,
и что Запад есть Запад, и мало им,
и что флаг пронесём незамаранным.

Пой, романтика, тропами Каина,
герметично в бессмертие впаяна.
Вот для этой — свинцовой — романтики
вы и сделаны, стало быть, мальчики.

1987

* * *

Не искушал меня лукавый
змеевиком партаппарата,
ни лёгкой должностью легавой,
ни персональную зарплатой.
Я не дудел в чужие горны
и, духом с буквою согласный,
не наступал себе на горло,
не подавлял в себе соблазны.
Но в кресле жизненном удобно
расположился — созерцая.
И как же мне легко быть добрым,
добра и зла не совершая!

1987

СТИХИ О ДРУГИХ СТИХАХ

Когда тяжеловодным Стиксом
проследую, обеззаряжен,
когда мандат души проколет
архангел вахтенным штыком,
её последняя частица,
моя поэзия (так скажем!)
падёт литованной строкою
пред гутенберговым станком.

Она наложница с панели,
над нею ножницами цыкнут,
над ней разящее копыто
пернатый мерин задерёт.
Её и тиснут нонпарелью,
когда совсем она затихнет,
когда расколется под пыткой
и встанет задом наперёд.

Ей, изуродованной внешне
под злым надзором метранпажа,
дадут казённого узора
прикрыть рождённое нагим...
О ад грядущий мой кромешный,
постыдная самопродажа,
Густая киноварь позора,
самодовольства жирный грим!

1985

* * *

Качусь по родной икебане,
кругом пермяки да мордва.
огнями вечерними манит
меня Шереметьево-2.
Но в небо, а также по рельсам
не гонит пока что нужда,
не нужен мне берег еврейский,
Америка мне не нужна.
Хоть страшно, а всё ж не настолько,
чтоб выдернуть Паркину нить,
покуда гремит перестройка,
а гласность вопит и пьянит.
И что мне закон и суббота,
оклад и рабочая честь,
пока расцветает Свобода,
пока вседозволенность — есть!

1989

А и Б

Сказавший А сказать затеял Б.
Он рот раскрыл. Он воздухом запасася.
Сейчас он грянет. Скептики в толпе,
и те затихли. Миг один остался.
Как просто было А произносить!
Решился, и зажмурился, и — гаркнул!..
— Ну, не скажи. А вышло бы насмарку —
в какие дали мог бы угодить!
Но Б трудней. Ещё раз: выдох, вдох,
губа губы вот-вот уже коснётся,
и звук взрывной над миром понесётся,
не слышанный в течение эпох.

Безумное, безудержное Б!
Бумажный бум! Бубенчик обихода!
Бей в барабан обещанной свободы!
Бушуй бессменно в будущей судьбе!..

Сказавший Б изменится в лице,
изобразив произнесенье звука.
Что ж будет дальше — В? а может, Ц?..
Пока не ясно. Вот какая штука.

1987

КАРНАВАЛ

Карнавал стартовал!
Веселись, стар и мал!
Посмешнее натяживай маску!
Был дурак — стань болван,
был чердак — стань подвал
Жизнь была? — А теперь будешь сказка.
Вот проходит добро в облачении зла
(ну, его-то узнать мы смогли бы!)
Джентльмены
с утра забивали козла.
А забив, опознали в нем рыбу.
Удивительный мир!
Что ни правда, то — миф,
что ни шутка, то — истина злая.
Только скроешь кумир, на другой заменив —
«Маска! — слышишь, — а я тебя знаю!»
Стала пешка ферзём,
«Спартаком» — «ЦСКА»,
притворяется червою пика.
Кто свистал соловьём,
тот пустил петуха,
златоуст оказался заика.
Карнавал! Карнавал!
Развлечений — завал.
Частный сектор раздула халтура.
Где-то лесоповал,
а у нас — карнавал!
Выше всяких похвал — режиссура.

Я без маски бреду.
Я иллюзий лишён.
Я слоняюсь от краю до краю...
Кто в калашном ряду
с человеческим лицом?
— Маска! Я тебя, кажется, знаю.

1987

НОЧЬ

Ночь безводна, тиха,
на трухлявой подстилке луна
умирает, и «С» (т.е. «Смерть»)
задыхается в дыме.
Словно строчки стиха,
матюгальник бубнит имена
остановок. В подтексте —
словесная заумь в пустыне.
Воздух неосязаем, но чёрен
и явственно кисл.
В нем вчерне обустроен
грядущего завтра мицелий.
В предпоследнем трамвае
везу предпоследнюю мысль
непосредственно в сторону
ей предназначенной цели.
Ночь тиха и легка,
а живёт ожиданьем беды.
И, оттенки меняя,
творит привиденья со вкусом.
Но совку из Совка
в предвкушении новой метлы
их скучны имена,
и не радуется призрачный мусор.
Не обучен хотеть,
я впадаю в родной негатив
(как в родной коллектив)
и твержу в отрицаловке мудрой
сам с собой тет-а-тет
и уже на знакомый мотив:
Ночь легка и летит,
и она не чернее, чем утро.

Июль 1991

АВГУСТ-91

Мясорубку заклинило: ныли «Реквием» Моцарта,
Созревала яичница под роман о Мегре.
И мазурики штатные сообщали про проценты
и про новое мышление в застарелом Кремле.

Президенты, как мальчики, то дружили, то ссорились.
Парвенозные новшества обживали эфир.
Я лелеял в блокнотике графоманскую скоропись
и цинично прихлёбывал бесполезный кефир.

А металл неподъёмен был, и не стоило пробовать.
Бард мяукал, что якобы занималась заря
(чем, хотелось бы выяснить), и в настырную проповедь
Я вникал безнаказанно и грешил втихаря.

А когда, дирижируя гениальным адажио,
Мэтр (не помню фамилию) всё сердцами владел,
Я в режиме анапеста рифмой текст унаваживал.
а к staccato cantabile неприлично храпел.

После дня чёрно-белого, трёхпрограммного нытика,
зачерствела действительность, как несвежий батон.
А заря, как безумная, занималась политикой.
и такой отвратительной, что об этом потом.

Август 1991

* * *

Так и живём, значит, сэр Джонатан.
Вроде бы, хиханьки, ан не до смеху.
Ни алтарей, чтоб подстать животам,
ни гуингмёнка — всё еху да еху.

Худо, не видите что ли, милорд.
Ходу б отсюда, да некуда смыться.
Видимо, всё это нам поделом.
Т.е. по делам — без резона и смысла.

Вправо ли, влево шагнёшь — полоса:
грань. А за гранью-то — сущие бяки!
Ладно б кололи с тупого конца —
только. Так нет же: они многояки!

Моноконечник — нарциссом нарцисс.
Параконечники — голубоваты.
Тем — подавай самогон и сервиз,
эти — поют и лелеют стигматы.

Пятиконечникам снится партком,
Шестиконечникам — виза на выезд.
Порноконечница — вся босиком
(с шейки до пяток, и плюс ещё вырез).

Скороконечники красят кулич.
Сыроконечникам — сало кошерно...
Сэр Джонатан, Вы моя Глюмдальклич!
Немо моё Вы. Как там, у Жюль Верна:

Хлоп! — в «Наутилус» и плюх! — в океан.
С Вами я, только меня поманите!
Тут же Лапута! Да нет, я не пьян,
вон, в облаках НЛО на магните.

А в фейерверках летающих рыб
плавает за морем праздничный остров,
там Робинзон до сих пор не погиб.
Вот, кто свободен — ни тупо-, ни остро-...

Коз диковатых загонит в кораль,
дату отметит зарубкой короткой.
Перемигнётся с судьбою-уродкой,
как для него потопившей корабль.

1993

ДВА КАЗИНО

*На рейдах Москвы-реки стоят теплоходы-казино
«Александр Блок» и «Валерий Брюсов»*

Из наблюдений автора

— *Здравствуйте, Александр Блок!*

В.В.Маяковский

По Пресне, что зовётся Красной
(и не к добру!),
пройти-проехать даже страшно,
но я пройду.

Хоть не хочу мишенью в тире
служить стрелку,
но символисты захватили
Москву-реку.

Столпам серебряного века
разрешено
собой ещё отметить веху
в век казино.

У пьедестала, на котором
крылатый бог,
на рейде машет триколором
азартный Блок.

Хоть на потеху всем буржуйам,
но всё равно
он круглосуточно дежурит
по казино.

По вечерам над банкоматом
под звон монет —
в чём истина — вещают матом.
В вине? — О, нет!

Там, недвижим на трапе узком,
как на тропе,
кидает кости новым русским,
как псам — крупье.
А ниже, у Петра-верзилы
(близ ЦДХ)
Азартный Брюсов полон силы:
король стиха!
Цвет ног немного нездоровый
прикрыт слегка.
На фоне их ещё лиловей
его рука.
Он полусонно чертит звуки
среди продаж.
Ему и прикуп прямо в руки:
косой марьяж.
А чудеса малы и редки,
и в том зерно.
Рискуя, крутанёшь рулетку,
а там зеро...
Кто ставки делает по-крупной,
тот супермен,
А прочим жребий совокупный
в век перемен.
И не смотрите с укоризной
в тот регион,
Где лозунг «Больше символизма!»
осуществлён,
Где серп-и-молот бутафором
прибит к трубе,
Как фон достойный, на котором
царит крупье.

1996

* * *

В понедельник каждый-всякий,
ежедневный, ежегодный
старичок шестидесятник
то в метро, а то пешком
всё лелеет плешь седую
под беретиком немодным
(хорошо б его не сдуло
мимолётным ветерком).

Он был свойственник по духу
диссидентам бородатым.
Где ни глянет — всё чернуха,
всяко лыко в общий счёт.
И теперь, совсем как прежде,
как патологоанатом,
он всё правду-матку режет,
то есть, так сказать, сечёт.

Он выходит из трамвая
и из метрополитена.
Он, как пешка проходная,
переходит переход.
Веку атома и СПИДА
новый век идёт на смену,
а тому до суицида
остаётся, может, год.

Старичок, держи беретку,
нос по ветру (револьвером)
да присядь на табуретку,
дорогой интеллигент.
Нет в ногах (и выше!) правды,
в голове (и ниже!) веры...
Нэ журыся, всюду прав ты.
Наступает хэппи-энд.

1997

В ТРАМВАЕ

Провожу, не скучая, досуг скоростной
на гремющей трамвайной корме.
То пленяюсь в окошке мелькнувшей красой,
то играю в уме в буриме.

Тополиные пыльные перья летят
(так и хочется крикнуть: как снег!)
А кругом — то кулисы, то сцена... Театр.
Тот, в котором актёр — человек.

У вокзала толпа, торопясь на перрон,
замедляется всё же у касс.
И орёт гегемон, что ему не закон
пресловутый глупейший указ.

Хорошо гегемону! Но вялый экспресс
тарахтит всё вперёд и вперёд.
Вот целуется пара. Вот банк. Вот собес.
Вот и кладбище: вдруг кто помрёт.

Вот влезает в трамвай старичок инвалид,
а за ним толстячок норовит.
— Вот вам и перестроились, — он говорит.
— Да, уж, точно, — старик говорит.

Школьник старцу дал место. Умолк разговор.
Уступить толстяку, или нет?..
Тут, доселе незримый, встаёт ревизор:
— Попрошу проездной документ!

1988

* * *

Эдуарду Ароновичу Шульману

Мне сказал писатель Ш.: «Что вы, Саша!
Жизнь ужасно хороша нынче наша.
Не смотрите, что жульё, что помойки,
будьте зеркалом её перестройки!

Не клеймите же её матюгами,
отразите житиё в амальгаме».
Покраснел я до ушей от обиды:
что ли я какой Кощей недобитый?

Или я какой Зоил Ювеналыч...
И совсем я приуныл, глядя на ночь.
Ночь метался в простынях, пил микстуру,
а проснулся, всю поняв конъюнктуру.

Я-то думал: всё, хана, время вдаль нам.
Оказалось, ни хрена: не летально.
Добрый доктор полечил нам саркому,
ну и где теперь ключи от парткома!

А руины, господа, да спецназы
это ж просто ерунда, метастазы!
Над кроватью приколот я картинку:
двухголовый триколор чешет к рынку,

попирая сапогом серп и молот,
запивая самогон пепси-колой.
Критикану-крикуну вырву глаз я.
Салтыкову-Щедрину фиг без масла.

Я ему не корешок, чёрта в ступе!
Буду только хорошо. Как о трупе.

1992

ВРЕМЯ НЕПРОСТОЕ ВРЕДНОГО ЗАСТОЯ

Дамы, кавалеры,
бодрые попойки,
нудного ученья
дальние походы,
горные восторги,
памятные ночи...

драмы, адюльтеры,
добрые помойки,
трудное мученье,
ранние восходы,
гордые мосторги,
Молодость, короче.

1989

БОЛЕЗНЬ ЛЮДОЕДА

Он жевал да глотал, утирая уста.
Смолотил крикунов и тихонь.
Только вдруг — осознал?
 подавился?
 устал?.. —

Перестал. Отрыгнулся в ладонь.

Но иллюзиями неоправданными
не утешиться, дело не в том!
Людоед обожрался согражданами,
вот и мается он животом.

Мы свободны теперь. Мы величественны.
Не подать нас уже на фуршет.
И пора вспоминать героическое,
романтическое, прошлых лет...

Мы ж добры! И ничуть не озлобленные.
Не отгрыз он души нашей, гад!
«Зуб за зуб» не для нас, мы — особенные!..
Он же стар, инвалид, седоват...

Он, мужчинами полон и женщинами —
лопнет жé!.. И гуманно летит
к брюху оному с клизмой торжественной
добрый доктор. Такой Айболит.

У больного потрескался кафель лица...
(Спрятал доктор коньяк чаевой).
В острых отблесках скальпеля капельница.
Сон. Диета... Пройдёт, ничего.

1988

ХРОНИКА ПЕРЕСТРОЙКИ

1.

Ухнул мир, а может, рухнула скамейка.
И за мною кувыркается на пол
кофемолка, зубочистка, душегрейка
и чесночница-орехокол.
Хозтоварами я заживо завален.
Перья штопоров качаются в глазу.
И очки разбиты где-то за роялем.
И подняться силы нет: ползу.
Горница. Сервант. Кушетка. Горка.
Красных мальчиков порядок поредел.
Пелеринка. Переборка. Перегонка.
Перебранка. Чёрный передел.

1988

2.

В роковые минуты всё ел бы да пил,
всеблагих ублажал бы анапестами.
Но меня собеседником звали на пир,
потому и не подали закуси.

1990

3. *(Внутренним голосом)*

Накрылась пресловутой перестройкой диалектика.
Примат иного мышленья влит в котелки над шеями.
Журналы пахнут бьяками ненормативной лексики:
она легализована (в фекальном отношении).
Ну, значит, гласность, прочее... Но, говоря по совести,
моё перо эзопово не склонно к панегирику.
И жалко, что потребности приравняны к способности
достать хотя б чего-нибудь за килограмм по чирику⁹.

(1990)

⁹ Чирик (устар.) — 10 рублей (устар.)

4.

Когда-то, когда расцветали события
над полулегальной листовок листвою,
они волновали, как будто соитья,
о них исключительно мог говорить я,
и ухо ласкал мне глушителей вой.
Но вот пролетели мгновенья экстаза,
оргазм (политический) не наступил.
Приелась трёхцветнознамённая фраза
(а, может, года передвинули фазу,
и Кронос великий мне пыл притупил...)

1990

5.

Перестройку закончил досрочно.
Думал, в чём её смысл и итог.
Сочинял до полуночи строчку.
Кипятил на газу кипяток.
Выводил среди ночи собачку.
Лёг. В эфире ловил «голоса»
(вроде как Жанна д'Арк). Перепачкал
ручкой простынь и рожу лица.
Не поверил врачу (аллопату),
сомневаясь привычно во всём.
Мостовую пошкрябал лопатой.
К небесам воспарил, невесом.

1990

6.

Внутреннему голосу

Говоришь, кругом — покати шаром?
Перестройка, мол, не хухры-мухры?
Так ведь жив же, цел, ведь к тебе с добром!
А всё баб тебе б, всё б икры-махры!
Хорошо — гуманные времена,
не грозит набегом ни хан, ни лях.
И зерна у них что у нас дерьма.
И займы — пожалуйста (не в рублях).
А могли бы шашкой: секир-башка,
как хотел, глумился бы каждый всяк.
И жена пошла б, и славянский шкаф
за оброк-ясак и за просто так.
Вот тогда дотумкал бы — что почём.
На Зарю молился бы (Октября).
А с едой-питьём всё пока путём.
Так что ты, того, не петюкай зря.

Ноябрь 1990

7.

Как проснулся — тут же, в секунду сию же,
как ошпаренный, бегом на службу подался.
Ведь проснулся-то в Обновлённом Союзе,
в по-хорошему правовом государстве!

18 марта 1991, *референдум*

8.

Вот суворовцы. Румяны и упруги.
Как скрипят у них погоны и подпруги!
А какой менталитет!
Это ж генералитет —
наши завтрашние Язовы и Пуги!

Сентябрь 1991 г., *после путча*

9.

Смейся, Пугач! Улюлюкайте, Стеньки!
Родина, плачь, дорогая Отчизна!..
Всюду валяются рваные деньги.
Вот мы и дожили до коммунизма.

Декабрь 1993, инфляция

СОВКИ И ЧАЙНИКИ

Кто любит кухарку! —
она же пропахшая луком.
Она же пропащая
в скрежете сальных кастрюль!..
Ей дворник подстать.
Он куражится в ватничке глупом
и машет метлой
весь январь, и апрель, и июль.

Да, пара они хоть куда:
поварёшкой супруга
разводит как пар
ароматные патлы борща.
Ему же навьюжила
снежную женщину вьюга,
чтоб хладная перси
лопатою ласкал, трепеща.

Тем самым, они,
как вода, извиняюсь, и камень,
как с прозою стих,
или огонь в ледяных языках.
Однако, сошлись.
Расплодились. И будут веками
совместно сиять, как совки.
Или чайники как.

1993

21 СЕНТЯБРЯ 1993

Число, войдёшь ли ты в историю,
иль просто попадёшь в неё?
Тебе какие цифры вторили,
внушали как бы бытиё?
Не то же самое ли августа —
два года с месяцем назад?
Или — «очко»?.. И, может, правда всё,
что карты сдуру говорят?..
Мы по дороге непроторенной
бредём в иные времена...
Число, войдёшь ли ты в историю,
иль мимо пролетит она?

21 сентября 1993

* * *

Фаине Гримберг

Когда пришёл Советам глубокий полный крах —
процесс пошёл — возврата разных древних.
Завидую дворянам, гуляющим в садах
из генеалогических деревьев.

В моём роду, наверно, у пращура изъян
в анкете: он стать пэрами не дал нам...
Завидую маркизам, эсквайрам и князьям,
графиням, баронетам и идальгам!

Дворяне процветают и как гербы растут.
Последний герцог Герценом разбужен.
Ах, стать бы мне бароном, евреям ведь дают.
Вон Ротшильд, например, меня не хуже.

У каждого — карета (борзые рысаки),
цыганки, эполеты и лакеи.
Усадьба на пригорке в излучине реки
и с девками дворовыми затеи...

Как выберут в бароны — забуду моветон
и весь в бомонде, в кайфе кофеина
увиджу в перспективе награждение крестом
(болгарским, как сказала бы Фаина).

Короче, я согласен принять такую честь.
Пусть префикс «*de*» моё украсит имя.
— А правда, что бесплатный проезд для баронесс?
— А запись где на замок с крепостными?

1994

* * *

Иллюзии! Куда попрятались?
Где всё, что в юности хотелось?..
Ах, эта чёртова порядочность,
интеллигентность, мягкотелость...

Гремя картонными доспехами
по затрапезным Зурбаганам,
Мы за туманами всё ехали.
Приехали. Теперь — куда нам?

1994

* * *

Игорю Крюкову

По новой линии метро я еду до Арбата.
Метёт поганюю метлой кончающийся век.
Я ездил в эти же места другим путём когда-то...
Да и вся жизнь была не та — ещё до смены вех.

До смены вех крутил трамвай колёса за копейки.
Зрел коммунизма каравай — сам пах и сам светил.
Всё было рядом, впереди, на следующей ступеньке.
Знай только, рулевой, веди по атласу светил.

Арбат, чего же ты горбат? Ну выпрямись обратно!..
Ноябрь, наяривай, как март, любовный вой котов...
Я буду дуться в буриме на деньги и бесплатно,
рябое солнце в сером дне высматривать готов.

Увы, по строчкам семян на цыпочках огрехи.
И всё не так, и всё не то, и смех, и, как бы грех...
А вехи надобно менять, они ветшают, вехи.
И упаси нас, Хоть-Бы-Кто, от этих ветхих вех.

1998

ВОНЮЧИЕ МАЛЬЧИКИ

Сегодня в метро, верно, Мальчиков Спящих день
в вагонах коричневой линии кольцевой.
Они вырастают из тех синюшных детей,
которых несли по вагонам вниз головой.

Которых мотало, прикрученных за спиной,
спелёнутых тряпкой — смеяться, моргать нельзя.
Бухая бомжиха им запах природный свой
передавала, по рвотным лужам скользя.

Отдельно о запахе... Перемешать кило
калу с двойным объёмом выдержанной мочи,
заправить по вкусу потом, потом в тепло
на сутки около батареи или печи.

Потом ежедневно орально после еды
четырежды в день (надёжнее даже пять),
и будешь в награду за праведные труды,
как мальчики эти, качественно вонять...

Я, может, чужак, но на пробу беру чуток,
и, ноздри зажав, как граф, узрев мужика,
вкушаю весомый, как Слово, первый глоток.
Глаза тяжелеют. Подташнивает слегка.

И вот я мотаюсь, смердящую плешью вниз,
ногами вперёд, демонстрируя атлас вен.
Ударь меня. Крикни: «А ну-ка, сука, проснись!» —
и я покачнусь, я рухну, смиренно нем,

и я покачусь, как плод, перезрев на суку,
и вот: перемена мира — одним пинком.
Пацан-перестарок, я всё никак не секу,
что там, из дыры летит и гудит по ком.

2001

* * *

Алексею Ивантеру

Москва! Пречистенка, Арбат!..
Гулять. Смотреть. И помнить — где,
пока фашистский «коловрат»
ещё не взмыл над БКД.
Не отвлекаться от смотрин,
покамест зрячий и живой.
Квадраты целые витрин.
Цветной бульвар — ещё Цветной...
Ещё не засран БЗК
и вождь не зыркает, усат.
Ещё трепещущих зека
не волокут в Нескучный сад.
Ещё вольна картавить голь,
и площадь главная чиста:
ещё поганую глаголь¹⁰
не вывел злой полууустав —
в ретортах смены бытия —
с когортой новеньких Малют.
Ещё гуляю лично я,
кругами двигаясь к нулю.
Пока меня не замели,
я крикну, боли не тая:
— О красно-белые Фили!
— Сокольники! Любовь моя!..
Москва! Как в капле отложись
в ячейках памяти кривой!..
О удивительная жизнь,
сама не схожая с собой...

2000

¹⁰ Одно из значений слова «глаголь» – виселица.

* * *

Подобно мне, будь независима,
с трибуны пой, как на параде, —
вещала выпренная Истина —
зачуханной кухонной Правде.
Сенсаций громыхай салютами,
разоблачай, не забывая,
что ты, как небо — абсолютная,
и как ракета — боевая.
Забудь эмоций тягомотину:
ведь жалостью любовь чревата!..
И Правда слушала внимательно.
И улыбалась виновато.

2000

* * *

Владимиру Герцику

Секунды притворяются невинными,
но щёлкают зубами-карабинами,
как индикатор радиоактивности,
мигают многоточиями красными.
Минутки притворяются нестрашными
малютками повышенной красоты,
компьютерами в ваннах керосиновых
лелеют постулаты Архимедовы.
И предстают смертельные заведомо
week-end' ы байбаками безобидными,
карманными такими пятилетками,
урывками дискретного столетия.

1994

* * *

Как игрушечка, нам космос упакован.
Мирозданье, как лакей предупредительно.
Окна-двери облицованы подковой
(а лягнёт — так ведь для пользы и развития).
Все персты укажут путь, идти куда нам.
Что ни нотка, то аккорд или мелодия.
Каждый кустик расцветает икебаном.
Всяка буква чичас из-под Мефодия.
Так и двигаемся в нужном направленьи
с подходящими знамёнами и песнями,
авангард очередного поколения,
неизбежно выбирающего пенсию.

1994

ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК

Не осталось мне радости, кроме
как уродовать ямб и хорей.
Приюти меня, пряничный домик,
Робинзона в толпе дикарей.
Под твои шоколадные своды
тихо-тихо пройти разреши.
Дай мне капельку сладкой свободы —
скрыться в тёплой ванильной тиши.
Позабить безобразную прозу,
внешний мир, неуклюжий, как шкаф,
чтобы мне — только сладкие розы
в разноцветных конфетных горшках.
И — где вафли паркетные сохнут —
в мармеладовом кресле лежать
и смотреть в леденцовые окна,
и сквозь них ничего не видеть!

1968

БОЛЬШОЙ ГОРОД

Ах, какой грустный город на заре...

А. А. Блок

Фонарь света замирает, утренний.
Рябит в окнах, ибо стёкла кокнуты.
Ещё спишь ты, но уже напудрена.
Лежит рядом твой платочек скомканный.

Мечта реет, как баклан над яхтами:
заснуть дома, а проснуться на́ море...
А там солнце у руля, как вахтенный...
Подъём флага, как в пионерлагере...

Потом вышли на свою Дубровскую.
В момент уши, как прибор, зашкалило.
Другой выход заколочен досками.
Легко вынуть, но, ленясь, не стали мы.

Сидит кошка, а тиха, как мышь, она,
машин тени отразив в хрусталике.
Ору в голос — чтобы ты услышала:
— Большой город, а ревет, как маленький!..

2002

* * *

И думал я: а с кем я завтра выпью...

В. С. Высоцкий

Свобода, здравствуй! Наливаю чаю
Работа, сгинь (с зарплатою своей)!
Как правда, прост, фантастику читаю
(у Бредбери опять же юбилей).
А там — химичат инопланетяне
и могут время повернуть назад.
Герой же обнаружит ключ от тайны,
и вот он дома, даже не рогат.
Ни серп, ни молот, и ни могодovid
не омрачат космические дни,
покуда робот мухи не раздавит
в экстазе виртуальной беготни.
И тут — примат восстанет на примата
и мирный атом вскинет арбалет,
и враз забудет престиджитатор,
в какой подмышке прячется валет.
Услужливо разверзнется могила,
явив пласты нечернозёмных глин...
Но — пискнет пейджер. Заорёт мобила.
И — вот он я. Не запылится, блин!
Как сам — вернулся с будущих просторов.
Сбежал от звёзд, страшась узнать ОТВЕТ...
И мне осталось самое простое:
впечататься в вялотекущий век.
Припомнить назначение предметов,
язык пейзажей, умысел свобод...
Небесный свод в окошке фиолетов...
Понять, зачем вообще небесный свод!
На голубом экране жёлтый Путин.
Печенье в виде рыбок на столе.
Куда идём, и где мы завтра будем —
в дерьме? В фаворе?..
Может быть, в земле?...

2000

ГОРКА СЛОВ

*Младенец кашку составляет
из манных зёрен голубых
Н.А. Заболоцкий*

Сидело чадо на заборе,
играло в буквы и слова.
Пред ним бурлило слово «*море*»
и слово высилось «*Москва*».

От слова «*капля*» к слову *камень*
точило проводило путь
и огневыми языками,
дразнила слова «*пламя*» суть.

Дитя невзрослыми перстами
брало то буковку, то две.
И вот их пять «*народом*» стали
со словом «*Рюрик*» во главе...

И слово «*мама*» трепетало,
перетекало через край,
как будто букв в нём было мало
для агрессивного «*Мамай*».

Но буквы, кувыркаясь вольно
в руках (до некоторых пор),
являли вслед за словом «*войны*» —
«*топор*», и «*ропот*», и «*отпор*»!

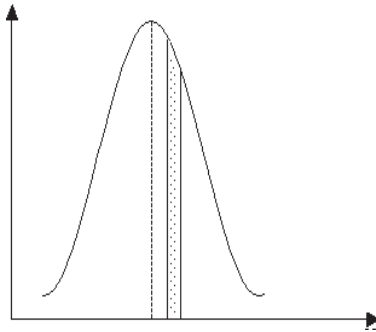
И слово «*Время*», то и дело
устав и смысл меняя свой,
при слове «*Грозный*» то гремело
Опричниной, а то Чечнёй...

Слова «руины и «столица»
слились, и бой явил к утру
без слова «уши» слово «лица»
и слово «ужас» в слове «труп».

Сначала сжалось слово «жалость»,
потом расширилось, и в нём,
казалось, что-то отражалось,
сознание что ли с бытиём...

Дитя же попросту игралось,
бросая литеры в песок,
и только старый мудрый Гаусс
исчислить горки профиль мог.

2000

* * *

Извилины — как ясли мысли.
Листки бумаг — её пелёнки.
А ну-ка, Солнце, ярче свистни
и мысли высветли потёмки!

Там, в закоулках трансцендентных,
прижали ушки, как зайчатки,
ещё нейтральны, точно деньги,
её невнятные зачатки.

Но то, что там тихонько снилось,
обрушась миру в гулкий бункер,
на плюс развалится и минус,
на как бы золото и пурпур.

И мысли яростная юность,
равно открыта тьме и свету,
не сожалея, не торгуясь,
распустит золото по ветру.

Но — не один сыграет в ящик,
когда в пурпурном одеянье
она, подростки и набрякши,
осуществит себя — деяньем.

Когда в экстазе вдохновенья
дойдёт до ручки и до точки
и зафиксирует мгновенье,
соединяя проводочки.

И — исковеркан Универсум
исчадьем сморщенных извилин...
О мысль — маньячка, изуверка,
как фейерверк твой замогилен!..

2000

УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР

На экране бой да в эфире вой...
Мир — чужой, иной, скроен наново.
Здравствуй, друг ты мой, конфидент ночной,
корешок ты мой валерьяновый...
Дед-Мороз пришёл, неказист, но зол,
в лето кол вколел (символический).
Мир предзимний гол, уж не жжёт глагол,
в голове — алгол архаический...

А кругом народ — кто жуёт, кто пьёт,
кто срывает плод Древа Знания...
Праздник жизни тот старожила влёт,
словно принца бьёт в старой Дании.
Впрочем, дед хорош: хоть ума на грош,
лыс, облезла прочь позолота вся,
среди кислых рож на козла похож,
но камлает всё ж (в позе лотоса)...

Зубом — цык! — вампир, завершая пир,
дескать, цыц, Шекспир недоделанный!
Был прекрасен мир, да прожит до дыр,
и летит в сортир с песней дедовой:
«Ты лети, мой свет, по туннелю лет,
блик иных планет выколупывай.
А декабрьский снег, словно звон монет¹¹...
Здравствуй, Новый свет (неколумбовый)!»

2002

¹¹ Вариант: Неказист и сед, как в шкафу скелет

ГЛАГОЛЬ

Над Европой давно (и всегда) закат.
А у нас как бы ночь — к утру.
Я — носитель великого языка
в относительно малом рту.

Этот рот — а я им плевал, курил,
целовал, кусался и врал —
оснастил алфавитом монах Кирилл,
а Мефодий врубил экран.

Мне вложили кондовые Ж, Ч, Щ,
чтоб глаголил, шептал и ныл,
чтоб надёжно и начисто зачищал
католическую латынь.

Дали мне трикратно свистящее С,
громовое вручили Р —
чтобы блюл государственный интерес,
либеральных презрев химер.

Есть для духа боль и для тела боль:
эта с пряником, та — с кнутом.
Потому что в начале была Глаголь¹².
И пётля. Слово — потом.

2001

¹² Одно из значений слова «глаголь» – виселица.

КОНЕЦ СПИРАЛИ

Кем быть полезней — истцом? партийцем?
смягчать нокауты полотенцем?..
Ведь всё исчезнет и испарится,
всё так и канет — невозвращенцем.
Будь Геродотом ли, Геростратом;
щедр или алчен; весом ли, весел;
твои голгофы, твои фальстарты —
твой личный ларчик по интересам.
Ты снова мальчик — курчав ли, лыс ли —
шагни за чиру, воскликни: «Штандер!..»
Как мир заманчив! Как ярки мысли!
Владей же миром: ты — АЛЕКСАНДР!
Всё так и шло: логарифмы, рифмы;
любовь без фальши. И с фальшью (реже).
Приятно долог маршрут к харизме...
Ах, так и дальше б... Но нет же, нет же!..
Обижен плотски, рычал, как зверь бы,
грыз, полуголый, бы прутья клетки,
недель полоски слагая в зебры,
их — в полугодья, те — в пятiletки...
А всё ж противно ерошить баки,
к старушке лютой спеша на форум,
тогда как тигры в полосу хаки
в камыш скользнут и сольются с фоном...
Уесть беззубым ли жизни сласти!..
Дожёван пончик. Нам всё наврали.
Где славы бубны? Где пики власти?..
Завод окончен. Конец спирали.

2003

ЛИРИЧЕСКИЙ

СТАРИК

УТРО

Юле

Губы города — Трубная площадь —
скривились зелёным углом бульваров
в гримасу утреннего трамвая.

Потом засмеялась.

Меж рельсами загрохотали булыжники,
точно блестящие зубы, и этой
улыбкой испуганные
поднялись серые тряпочки голубей
и стали с неба стирать
ночной невидимый нимб.

Первый рассветный троллейбус,
ещё не привыкнув к движению,
упрямо старается вырвать рога
из чёрных тугих параллелей.

Весёлые, как пионеры,
составленные в пирамиду
на поле Большой Спортивной Арены,
выстраиваются в радугу прозрачные капли
и, спрыгнув, торопятся броситься
в подземную речку Неглинку.

Кусты на Цветном бульваре умылись
и встали один за другим,
как рифмы в поэме о Солнце.

А Солнце уже возникает
за Сретенкой в переулке
и гладит заборы, крыши домов
и верхушки деревьев
зелёной лапой луча,
мягкого, как у кошки.

1966

РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ

Тебя солнышко освещает
в час полуденный со спины.
Под невидимыми вещами
твои нежные части видны.
Там, где лозунг, что люди братья,
на фальшивом висит щите,
ты, как факел, горишь из платья
офигительным декольте!
Видно то, что обычно не видно.
Удивительный феномен:
мне бы мухой влипнуть в повидло
или шхуной вломиться в мель!
Мне бы кинуться сквозь трамвай
раскусить твою вкусноту!..
— Что ж я, можно сказать, зеваю
и приличия чту!
Ты подобна продукта грамму,
дорогому, как дефицит.
В Продовольственную программу
позабыли тебя включить.
— Накорми! Утоли собою!
И — пожалуйста! — напои!
А не то — рубаи завою,
новоявленный Навои!..
Что же ты ухмыляешься, злая,
вызывающе загрузив
мускулистые Гималаи
в заграничный прозрачный лиф!

1984

* * *

Как это я забыл о том,
кто делает зарубки
на самоструганном столбе
из мачты корабля!
Так можно потерять себя
среди этой мясорубки,
по незнакомым неживым
почтительно скорбя.
А он идёт неспешно в лес
собрать плоды и фрукты,
он доит коз, а их навоз
на грядки он кладёт.
Вот появился и исчез,
и только дым из трубки
обозначающий его,
летит среди небес.

1997

* * *

В ностальгическом дизайне
оформляя каждый шаг,
по местам былых лобзаний
отправляюсь не спеша.
От Сокольников к Арбату
и в Черёмушки с Филей
носит юности фрегаты
ветер памяти моей.
По Таганке, по Мясницкой,
у Рождественских ворот
прохожу, и будто снится
это утро, вечер тот...
Та скамейка, эта липа,
тот троллейбусный маршрут...
Тридцать три беззвучных клипа
перед взором проплывут.
Всех припомню поимённо,
с кем был близок и знаком.
А фрегат разнозначный
пролетает с ветерком.

1998

ВЕСНА

Алле

Весна! Я нов. И ново всё кругом —
деревья, мост, Арбат, орлы вокзала...
А может, сам я начался с начала,
поскольку с этим миром не знаком?
Знакомлюсь: ты. А за твоим окном
есть солнце. Утро (т.е. солнце встало).
Вот этажей собранье — это дом.
Вот слово — это то, что ты сказала.
И, наконец, любовь. Ей трын-трава
всё, кроме плоти терпкой и пахучей.
Она неотвратима, словно случай,
добра и зла, опасна и — права!
И вот стихи — убогие слова
из у неё украденных созвучий.

Май 1968

ВОСПОМИНАНИЕ

Арбат, ещё не пешеходный,
пыл туристический, походный,
гроза, колонны у реки,
мы босиком, как босяки,
тропинки склизь в полуовраге,
бифштекс (с картошкой что ли...) в «Праге»,
«Дом книг» (Калининский проспект)
и юности плюсквамперфект...

1997

РАЗГЛЯДЫВАЯ ДЕВУШКУ

На Руси мы все медведи:
каждый злобен и с(м)ердит.
Тут и девушка-Миледи,
на плече клеймо горит.
Сколько правонарушений
за означенным плечом!
Призрак петельки на шею
тоже ведь не исключён...
Может быть, она воровка,
между зонами связной,
и её татуировка —
краткий список послужной.
Завиток вот этот синий,
память, что обчищен шкаф,
а пересечение лилий —
как талон: уплóчен штраф...
Или — зря её я хаю,
и у ней иной пошиб?
Например, как Мата Хари:
нету права на ошибку,
и роза вся в бутонах
это, может быть, вообще
означает — панасоник...
от морского атташе...
Мне сказал один любитель
(интересно знать — чего)
что не разума обитель —
мое светлое чело.
Он сказал: «В башке всё пусто
у тебя и кавардак
Это — новое искусство!
Это ж боди арт, мудака чудак!»

1998

* * *

И никто,
кроме зрителей нежных
ночного канала,
не видал, как ты блузку
с холёного тела спускала,
И в интимных кругах,
где порядки особенно строги,
раздвигала, смеясь,
свои полные белые ноги,
как упругую выпуклость
мяли горячие губы
(те, что зрителям нежным,
пожалуй, особенно любы),
натыкаясь на сладкую твёрдость
заветных горошин...
Чем же всё это кончится? —
Кончится только хорошим.

1997

♥ ♥ ♥

Марине

Птица голубь на фоне помойки,
в клюве ветка, в руке карандаш,
в небеса не взлетая нисколько,
я клюю то, что дашь.

Я всё время фатально впадаю
в э-ле-ги-чес-кий, кажется, тон.
Я воркую, топчусь, унываю
и не знаю, что будет потом.

1984

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Серёга, мой бывший приятель,
дня на три расстался с женой,
и, времени даром не тратя,
подался к знакомой к одной.

Красуля по имени Света,
не кто-нибудь там, а завмаг.
Её и любили за это —
ввиду ожидаемых благ.

Вот Светка расставила чарки
и, телом владея вполне,
его принимала по-царски
в пленительном дезабилье

в то время, как в стационаре
студент-хорошист Раппопорт
супругу Серёгину, Валю,
проходит по теме «аборт».

Когда же наутро Аврора
вполнеба раздула пожар,
Серёга икнул с перебора
и рысью в сортир побежал.

Вернулся, а Светка одета,
узорный платок на плечах,
красивая, словно Одетта
в балете Петра Ильича.

Вдруг боль за супругу в палате
пронзила Серёгу иглой.
Но Светка ответила: «Хватит!»
и стала противной и злой».

Гони, дорогуша, полтыщи
за кофей, постель и коньяк!..»
А он был влюблённый почти что,
т.е. думал, что это за так.

А Светка, как ангел, невинна,
ему говорит: «Не жидись,
не то твоя щуплая мымра
узнает, где был ты надысь.»

Зверья от слов этих яда,
Серёга бледнеет, как смерть,
и сам, вероломнее Яго,
сплетает коварную сеть.

«Плачу чистоганом, — сказал он, —
кусай хошь на зуб, хошь на вес.»
Пятёрку у кореша занял
и кинулся в ОБХСС.

«Товарищи, баба болеет,
сидит без обеда семья.
А взяточники всё наглеют,
ведь это прямая статья.

Я сам семьянин, экономен,
завкома действительный член...»
И вот зафиксирован номер
в купюре — известно зачем.

За Светкой приходит охрана,
под белые руки берёт.
И вновь продолжается драма,
в которой безмолвен народ.

Напрасно в ментовке рыдала,
двоим конвоирам дала...
Три года судья намотала
девчонке за эти дела.

Ой, девки, живите скромнее,
разврат не держите в уме.
Вот всё, что сказать я сумею
в коротком моём резюме.

1995

ОБМЕН

Со столбов обрываю
листки телефонного кода.
Кто готов на обмен?
Предложения жажду и жду.
Мне желателен рай
с безраздельною райской свободой
за кромешную тьму,
совмещённую с пеклом в аду.
Пусть отныне кружат надо мной
мои синие птицы,
пусть топырит смешно
простодушные перья фазан.
Не взглянуть бы назад
и от жалости не обратиться
в камень или бревно,
не рвануться бы только назад!
Ты готов на обмен?
только честно! Отдам без обмана
за любовь каламбуры,
в которых считался мастак,
за снижение цен —
Ювеналовы стрелы (с колчаном!)
и бесплатно — от юмора: чёрную метку и флаг.
Разве розы мои рождены из паров керосина!
Разве выживу — злясь,
выражением общим безлик!..
Жало злая змеи возвращаю теперь Серафиму
за непламенный взгляд
и за свой, хоть и косный язык.

1987

* * *

Алле

Я не живу с твоей карточкой,
лживой от времени, крапчатой,
выжил и так, и пожалуйста —
даже глаза не мокры.

Время садиться на корточки:
прошлое рад до утра б читать,
время качаться китайчато,
веки полуприкрыв.

Время — садится на корточки.
Память — светла и улыбчата.
Впрочем, чревата провалами:
связь-то времён порвалась¹³!
Смрадно дыхание форточки.
Стрелки часов, точно рыб чета.
Плавает пепел по комнате,
пачкая красный палас.

Время сочится песочное.
Чушь утечёт чемоданная.
Память, как магия магния,
миг ослепит и спалит.
Мафией лайнер захвачен...
В фарватере Обетованная...
Но где же твоя фотография,
главная, как исполин.

1983

¹³ См. стр. 14

* * *

Лене

Остановясь на полушаге,
глазами список пробежала
тех, чей фонарик из бумаги
раскрасить тушью надлежало.
Вдруг иероглифов зигзаги
на миг иначе увидала:
— Мы рядом здесь, — она сказала.
А он добавил: — На бумаге...
Слова свистели как свистульки
и как дробинки или пульки,
и как синичка в тёмной сини
свистит на шёлковой картине.
Как в море тающий кораблик.
Как улетающий журавлик.

1983

* * *

Строчу привычно, весь блокнот исчёркал,
вдруг слышу: кто-то дышит за спиной.
Я думал — так. А это встреча с чёртом,
ведь то был он, не кто-нибудь иной.
Неймётся чёрту даже по субботам!
Что делать? Как — нечистого надуть?
Но — выходной, и хоть бы в небе кто-то,
кто истинный мне указал бы путь!..
И вот, не достучась до поднебесья,
серебряную бреш седины,
«Вы, чёрт, ребром ошиблись. И не бес я!..» —
сам заору в отчаянье ему.

Так от соблазна, словно от погони,
я убегу — и мудро, и хитро...
Но мерзкий бес провидит сквозь ладони
и знает, где ребро, где серебро.

2000

* * *

Между экватором и полюсом,
а где точнее, не припомню я,
блондинка распустила волосы,
на платье расстегнула молнию,
сказала, видимо, счастливчику
«мур-мур», как ласковая кошечка,
стянула с плеч бретельки лифчика,
на кресло бросила, где кофточка.
Прошлась перед портьеркой шёлковой,
в окошко выглянула, голая...
Но тут тихонько что-то щёлкнуло,
и стала видимость фиговая.

2001

СТРИПТИЗЁРКА

Стриптизёрка извивалась возле стройного шеста,
им на миг прикрывши малость интересные места,
этих мест телодвиженьем, отдалённых и не столь,
распаля воображенье и пьяня, как алкоголь.

На трепещущее тело свет струился с потолка.
А вокруг неё балдела и хихикала толпа.

— Ну, куда она годится, — голос внутренний спросил, —
с обнажённой ягодицей, в окруженье тёмных сил!..

Ноги босы, жёлты космы и открыта настезь грудь.
Не смутят её вопросы про её бесславный путь.

Верно, веские причины ввергли девушку во ад,
где бесстыжие мужчины источают аромат

неприкрытой страсти грубой, жвачки липкие жуя,
и раскатывают губы в направлении ея.

И мелькал округлый локоть в ожиданье круглых сумм...
Но её витал высоко в эмпиреях дальних ум.

Мысли разные играли в прятки, в салки, в буриме,
вычисляя интегралы в упомянутом уме.

Между прочим, этой дуре жизнь иное дать могла б,
ведь она в аспирантуре и почти уже завлаб.

Только всё ей надоело — Эйлер, Винер и Биркгофф,
и она вращает телом, не используя мозгов.

2000

РОМАНТИКА

Я раньше думал, что романтика —
взор, устремлённый в небеса,
сражение с барсом (ну, хоть с Барсиком!),
глядение глаза в глаза.

Там, шёпот, робкое дыхание...
О теле — мысль запрещена...
Бессонница, недоедание...
Короче, вер-те-ров-щи-на.

А оказалось, что романтика —
касание груди и плеч,
развязыванье разных бантиков,
объятья перед тем, как лечь.

Освобожденье от одежды и —
дыханье — жарко, шёпот — хрипл...
Поглаживанье плоти нежное...
Слиянье. Содроганье. Всхлип...

Романтики зверино логово,
я вам замечу, антр ну.
Её, как говорится, слоганы
сам для себя упомяну:

**ОСТАВИМ ВЕРТЕРАМ ЗАСТЕНЧИВОСТЬ!
ТУТ НАДО СМЕЛЫМ БЫТЬ И — ЛЕЗТЬ!..**

Я думал: романтичны женщины.
А оказалось — так и есть!

2003

К ЖИЗНИ

Узнаю тебя, жизнь. Принимаю.
И приветствую с пеной у рта.
Полу-Блок

Ручка кончается вместе с тетрадкой.
К вечеру день, к завершению жизнь —
что протекла удивительно гладко,
так бы и прожил вторую на бис.
Мир-то театр: состоит из актрис
(ну, и актёров, мелькающих кратко).
Я, словно пчёл, ублажаемый маткой,
мне безразлично — наверх или вниз...
Сладкая (я выбираю, где сладко)!
Яркая (ибо не прячешься в тень)!
Ты восхитительна, как шоколадка,
или прокладка (в критический день)!
Я принимаю тебя и теперь,
с понтом умывшая руки Пилатка.

1997

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК

Когда мутный дождичек загоняет в подъезды
редких, как из Красной книги, могикан,
остаётся на улице один — облезлый,
никудашный, дурно пахнувший старикан.
Ему свищет милиция, а он, как заяц:
чмокнет полуботинками и — наутёк.
Чего ему неймётся? Одолела к парочкам зависть?
Так ведь они же смылись, или он не усёк?..

Нет, старикова пара с ним пролетает рядом
В штапельной миниюбке с клёвым таким бантом.
Памятный Шестигранник реет над бедным садом,
архитектурный призрак, молодости фантом.
Небо зазря шуршало, корчилось и ловчило:
что старичку циклона ватная карусель!
всё перед ним кружится — гипсовая пловчиха,
пёстрые фейерверки, мятная карамель!

Здесь, за горбом эстрады, дед младым шалопаем
лихо шастал кустами, будя ошалелых ворон,
и пыл его в молодости был так же неисчерпаем,
как в известном атоме — электрон.
Это он после сдал, хотя в нём и дремлет
прошлое, просыпаясь иногда на беду.
— Дедушка! Обождите меня! Я — Ваш преемник.
Можно до остановки с Вами дойду?

1988

* * *

Катастрофически быстро старею.
Одышка, отрыжка, боли.
Интересы стремятся к нулю.
Безразлично: русские или евреи,
мегаполис или чистое поле.
Ничего не хочу и почти никого не люблю.

Неинтересно писать диссертацию.
Постоянно хочется есть или спать.
Был бы враг — всё бы простил и врагу.
Черепушка оголилась почти что нацело.
Зубцами железными лязгает пасть.
Даже ритм стихотворный выдержать не могу.

Зрение тоже и музыкальный слух...
Я так и не выучил ноты!..
Запинается устная и печатная речь.
Еще считаю, но уже только до двух,
дальше одолевает дремота.
Пенсию! Пенсию бы и лечь.

1988

* * *

Постарел и в поликлинике
я дышу едва-едва.
Разучилась лира лирике,
только буквы да слова.
Только рифмы да созвучия
А продуктами труда
я всё родственников мучаю,
да знакомых иногда.
В голове, как гнезда галочки,
чёрной зависти комки.
Состязаться бы мне с Галичем,
да кишки, видать, тонки.
Прокричать обериутом бы!..
Нет же, старость, враг уму.
В лире струны перепутаны.
Где настройщика возьму?

1983

* * *

Наташе

При помощи районной Айболитихи
встав перед фактом встречи с червяками,
печальную колонну — на Калитники —
я лично бы повёл — вперёд ногами.

Но, словно мистер Твистер ошарашенный,
услышал бы: «Мы, право, сожалеем,
но нет местов. Кресты сто лет не крашены.
и теснотища, как за Мавзолеем».

Не светит мне престижное Ваганьково
и роскошь колумбария Донского.
Сомнительного пасынка Таганкина
кошерное не примет Востряково.

Катиться, видно, мне (вперёд колёсами)
на пепельную фабрику за город...
Но суть не в том. Как говорят философы —
важнó не расстояние — путь мне дорог.

Друзья мои! Потомки и сотрудни-**цы!**
Хваля меня, не хнычьте: неуместно.
Покойник был сангвиником, и улицы,
бывало, мёл он веником прилежно.

Мог рифму отчебучить — обхохочешься.
А плакать не любил, ну, разве, малость.
Ну, ладно, говорите всё, что хочется.
Я б сам сказал, да всё уже сказалось.

— Мне горько, — я сказал бы, — не не солоно.
Я чту мою последнюю подругу.
Она сейчас откинёт косу в сторону
и вам прочтёт чего-нибудь по кругу.

1995

* * *

Симе

Надоело крылатой красуле
тусоваться со мной, бестолковым.
Улетела. И строчку простую
не сложу я, стреножен и скован.
Словеса обратились в обмылки,
И страница — как чёртова кожа.
Серафима моя, шестикрылка,
ты одна мне осталась надёжа.

1998

ИГРОТЕКА

Симпатичный ветеран
в игротеке служит.
Кому даст аэроплан —
тот над миром кружит.

Кто получит самокат —
носится по парку,
и проводит время вскачь
выбравший скакалку.

Кто куличики печёт,
кто тележку тащит...
Мне же добрый старичок
выдал карандашик.

Я спешу строку писать,
ибо жизнь — игрушка.
Игротеку закрывать
тащится старушка.

1986

* * *

Теперь, когда и секс идёт на убыль,
когда и пища вызывает скуку
(любовь и голод не владеют миром!)
осталась мне гармония одна.
Я не алкал гармонии в природе,
я не шукал гармонии в бутылки,
я не искал гармонии в работе
и в алгебре её я не нашёл.
И стал я стар, и вот я понимаю:
гармонию искать уже не надо.
Она теперь нигде не обитает.
Она была лишь в хлебе и любви.

1989

* * *

Всё кажется — время вертится,
и ты — на его оси
в любую ночь года, месяца —
что хочешь, то и проси!..
Казалось бы: та же улица,
тот же подъезд, этаж,
и тонус такой же умница,
и сила в ладонях та ж,
и в небо теми же красками
вмазаны облака,
и так же ласковы гласные,
и так же нежна рука...
Но всё больше дождя и холода
и всё меньше вёсен и лет.
Старость — такая молодость,
когда отвечают нет.

2000

ПОВОД К ПЕРЕБОРУ

Ещё не вечер. Как бы рано.
Но вот с косилкой за плечами
гляди, грядёт седая краля,
как внешний повод для печали.

А это повод к перебору
воспоминаний и итогов.—
Memento, знаете ли, mori, —
замечу, лысину потрогав...

Чужой на скачках и на дудках,
в графе «игра» я ставил прочерк
и избегал углов бермудских
посредством циркуля и прочих —

правил ли, правил ли, лекал ли,
линейных или квадратичных...
А кое-кто навеки канул
и сгинул в нетях непрактичных...

Итак, поблизости от гроба,
тропа к которому просторна,
поводит усиком утроба,
жратвы поводырь до уборной.

И я, утробы той хозяин,
усвоив варево и пиво,
вдруг озаботился: нельзя ли
дожить и помереть — красиво?

Не на смертельную простынку
нагадить, булькая со страху,
а ту, с косою, пнуть ботинком
и рухнуть — гордо, как на плаху..

Но провалявшийся на псине
то на спине, то с боку на бок,
я позабыл о звёздной сини
и притерпелся на ухабах.

Не выдаётся гроб на-вынос
под жизнь, забитую узлами,
и не мечты невыполнимость,
а неразнузданность желаний

мне не даёт — подняться с места
и вдеть ступни в ночные туфли...
Я оседаю, точно тесто,
перестоявшее на кухне.

2002

* * *

Веронике Кацнельсон

О мои однокурсники!
О мои одноклассники!..
Где спортивные курточки?
Где повальные «классики»?..
Где похвальные грамоты?
Предзачётные бдения?..
Кто — ослаб по буграм идти,
кто — снижает давление.
Кто сердечный, кто почечный,
кто — кишечно-желудочный...
Кто сражён одиночеством,
кто увнучен до ужаса...
Нас бессрочно задвинуло
в темь; теперь не по-прежнему!..
Доля отдана львиная
нагловатым тинейджерам.
Да и шарик игрушечный
подпалённый да плесневый
старичкам со старушками
не катать уже с песнями.
А катать на колёсиках
мощи дряблые трезвые...
В телевизоре классику
разжуём ли протезами?..
Лица сухи и слепеньки.
Лапки спрятаны в валенки...
О мои односклепники
и однокатафальники.

2003

*

*

*

* * *

Анатолию Ларионову

Осиновый листик

летит к пигментологу:

— Я что-то желтею, я что-то краснею...

И мне не трепещется, рыжему, долго.

Зелёный — был хват. А теперь — посмирнее...

Парили пушинки (блестел я упруго),

стрекозы шептались о чём-то своём...

Верните мне, доктор — прошу Вас как друга —

мой вид и фактуру, мой цвет и объём!..

Пигментологиня помажет микстурами.

Помашет рецептом, пронзительно белым.

Инъекцию сделает против простуды.

Прилепит полезный компресс между делом.

Примочку из охры

с сиреневой мазью смешает

и предупредит рецидив...

А листья багряные

сыплются наземь,

и куколки спят

в паутинках

седых.

2003

СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ

Следующая жизнь —
она не такая, как эта.
Ведь я уже буду знать,
как надо себя вести.
Как научусь писать —
сразу пойду в поэты.
А как половó созрею —
освою любовный стиль.
Стану гуманитарием —
чтобы поменьше трудиться.
Ну — ремесло для денег,
скажем, сантехник-сан.
Семьи заводить не стану:
буду свободен, как птица.
Пожалуй, съезжу в Европу
и всё повидаю сам.
Заведу себе девочку колли,
рыжую и шальную.
Чёрно-белыми вечерами —
виртуозных перстов пасьянс...
В виртуальных кругах вращаясь,
за окном пропущу весну я.
Супротив фантома вистуя,
упущу на бессмертье шанс...
И в этой жизни другой,
в неизвестности где-то,
за переходом скорым,
когда чёрная хрустнет твердь,
обнаружится новый мир,
может быть, не такой, как этот,
но, конечно, ещё прекрасней
и солнечней, чем теперь.

2003

ВЕНОК ИЗ ЖИЗНИ

ВЕНОК СОНЕТОВ О ВЕНКЕ СОНЕТОВ

1.

Венок сонетов пишет каждый всяк.
Возьмусь и я. А что мне — не под силу?
Да стоит мне лишь ручку в ручку взять —
бумага — слышь! — уже заголосила...
В сонет идет любая дрянь, пустяк,
а поглядишь — выходит даже мило.
Когда б вы только знали — мама миа! —
из сора из какого, из коряг
каких — противно к ним прикосновенье,
но я терплю — не оборвать бы пенье! —
устроен, то есть состоит сонет!
В нём глубины искать не надо, нет!
Он, в сущности, в рифмовке упражненье.
Оно несложно, это сочиненье.

2.

Оно не сложно: это — сочиненье,
не изложение, даже не диктант.
Ты собственное изобразишь мнение,
простую склонность выдашь за талант
и, смысл держа на шее, как атлант,
набычась и притом бахвалясь ленью,
преодолеешь слов сопротивленье
и расположишь строчки, как педант,
чтоб перекрёстная сменялась кольцевой,
чтоб теза с антитезой дорогой
слились в экстазе всем на удивленье,
и синтезом сменился б общий вой,
и зазвенели бы перед тобой
в венке сонеты, как в цепочке звенья.

3.

В венке сонеты, как в цепочке звенья,
как семечки, к примеру, в огурце.
И нужно нестандартное везенье,
чтоб их узнать в лицо в таком гурте.
И надо необычное уменье,
дабы прочесть в означенном лице
то, чего нет в начале и в конце,
а только промелькнуло как бы тенью,
метнулось между бра и пылесосом,
помедлило незадаанным вопросом
и скрылось в как бы розовых кустах,
высокопарно, как свинья пред опоросом...
Одни сонеты бы не пользовались спросом,
их магистрал объединяет. Как?

4.

Их магистрал объединяет. — Как?
— Да как обычно: в приказном порядке.
Он их сперва рассадит, как на грядке
(а перед тем ещё помнёт в руках),
потом раздаст им чистые тетрадки,
а одному — повязку на рукав,
дежурный, мол, и под мотив трёхрядки
запустит в свет, перстами помахав
пред носом собственным — на месте ли пенсне —
и вот движеньем плавным, как во сне
(почти что незаметное движенье),
они вступают а capella — нё
во что-нибудь. То предъявляет мне
состав капеллы — хоровое пенье.

5.

Созда~~в~~ капеллы хоровое пенье,
теперь выносит хитрый магистрал
своё администраторское рвенье
на самую большую магистраль¹⁴.
И значит, час единственный настал,
когда, как бы по щучьему веленью,
возникнет ниоткуда вдохновенье,
чтоб увеличить жизни полнакал.
И будет магистрал — с большой дороги,
какую мнут колёса, месят ноги...
Полита пóтом каждая верста.
Она — его, как арестанта — сроки,
как бога — храм, как барина — оброки
как столяра и плотника — верстак.

6.

Кáк столяра и плотника верстак
достал (я выражаюсь их словами)!
А нас, читатель, вероятно, с Вами
ничто уже достать не может так.
Мы толстокожи. Нам любое зная
равно серó. Нам быта кавардак
привычнее, чем идеала знак
(не знаю, как назвать его словами).
Стоит жара, иль непрерывно льёт
прозрачный ливень с облачных высот,
пурга, мираж ли, светопреставленье —
нам не до них, читатель, нам поёт
иной Кобзон, наш ко всему подход —
как пациентов клиники: терпенье.

¹⁴ т.е. на дорогу поэтической славы.

7.

Кáк пациентов клиники терпенье
облагораживает! Лучшие врачи
предпочитают умному леченью
текущие анализы мочи.
А ты, больной, надейся и молчи.
Держи в себе своё плохое мненье.
Таблетку, вон, у бабки получи
и жуй себе хоть до выздоровленья.
А то не жуй, авось помрёшь и так.
Шучу, шучу (да ты шутник, однако!..)
Надежды себестоимость — пятак,
цена же — грош в сегодняшних дензнаках.
Минуй, недуг, меня, как полдень — мрак
и как бойцов — стремительность атак.

8.

И кáк бойцов стремительность атак
не раздражает! Шум, столпотворенье,
пейзажей и построек мельтешенье,
полно народу, всё всегда не так...
Ракеты, танки, лошади... Бардак!
И, наконец, народов истребленье...
Нет, я бы лично воевал не так.
Как — доложу в секретном приложенье.
Бойцы — грубы. Как их нелепа форма!
Они — если в кино — идут на порно.
Не на «Чапаева», а на Мерлин Монро...
Да это мне, пожалуй, всё равно.
Сюжет к строке пристраивать упорно —
весь кайф венка (хоть это не бесспорно).

9.

Весь кайф венка, хоть это не бесспорно,
в том состоит, что можно им мести...
Да нет... то венником! А этот — как бы орден,
на то он и лавро́в и потому в чести.
И если лавр с венка покамест не оборван,
то им увенчанный, беспечен и мастит¹⁵,
здоровой пищей ублажает аппетит
и не корячится в труде своём упорном
на благо Родины, ведь он космополит,
и долг ему нимало не велит
предпринимать то, что смешно и вздорно.
Но мы-то знаем, чем народ велик,
в чём замысел и Чей в нём виден Лик:
в том, что всё слаженно и, так сказать, соборно.

10.

В том, что всё слаженно и, так сказать, соборно,
научного подтекста вовсе нет.
Всё в простоте, какая там Сорбонна!
Стоит сонет. За ним ещё сонет.
За тем — ещё... Как по сигналу горна
в торжественном преддверии побед,
развёрнут строй их, как парад планет.
И стяги рифм над ними реют гордо.
Всё на своих местах, не как попало.
Под мудрым руководством магистра
здесь строчка каждая весома и права.
И глаз обрадован незыблемостью строя.
В наш век увидишь часто ли такое —
стихи стоят по струночке: ать-два!

¹⁵ не грудница!

11.

Стихи стоят по струночке: ать-два!
Одна строка другой велеречивей.
И погляди, читатель терпеливый,
тут так же чётко строятся слова!
И только буква, атом неделимый,
всему стихосложению голова,
как моря гладь — приливы и отливы,
разнообразит строчки и слова.
Я б букве гимн исполнил на трубе
за переменчивость: она то А, то Б,
то что-то третье: γ^{16} или θ^{16} ,
пусть даже \aleph^{16} или Ъ —
я всем им рад и никому не враг.
Хотя, по мне, надуманно всё это.

12.

«Хотя, по мне, надуманно всё это» —
намедни я заметил сам себе,
играя роль завзятого поэта,
такого мэтра, ушлого в пальбе
из пушек по пернатым. Фраза эта
красиво кукарекала в уме,
но я не понимаю, хоть убей,
умна она, или в ней смысла нету...
Когда же понимания итог
прочертит чиру возле самых ног
и в темноту швырнёт гранату света,
то вместе с ним придёт и немота:
где правит разум, там душа пуста.
Такой порядок вреден для поэта...

¹⁶ гамма и тэта — греческие буквы; алеф — еврейская буква.

13.

Такой порядок вреден для поэта
(и, в сущности, для всякого лица).
Поступим так: пускай ума монета
подольше не выкатывается
из портмоне души (и из сонета!).
Пусть светит всем до самого конца,
и старого склеротика в юнца
пусть превратит, хотя б на треть момента!
Пока душа бессменная жива,
ей по сердцу и безусловно сладок
свой личный ум и свой родной порядок —
приемли всё, только своё — сперва.
Я, например, на правила не падох,
а лучше так: кто в лес, кто по дрова.

14.

А лучше так: кто в лес, кто по дрова.
Резвись, перо, курсор, реви, динамик!
Летай, смычок, как мудрая сова,
и муза — прилетай, хорош динамить!
Качай, качок, хоть мышцы, хоть права.
Кто против нас, тот, значит, снова с нами.
Свобода — вот единственное знамя.
А кто свободен, тем и трын — трава.
Заканчиваю. Надо бы мораль
вписать в не очень строгую, но — форму,
что, мол, трудился и не зря марал
карандашом — блокнот, рулон в уборной,
счета... Но пусть, поскольку я иссяк,
Венок сонетов пишет каждый всяк.

15.

Венок сонетов пишет каждый всяк.
Оно несложно, это сочиненье.
В венке сонеты, как в цепочке звенья.
Их магистрал объединяет, как
состав капеллы — хоровое пенье,
как столяра и плотника — верстак,
как пациентов клиники — терпенье
и как бойцов — стремительность атак.
Весь кайф венка (хоть это не бесспорно)
в том, что всё слаженно и, так сказать, соборно,
стихи стоят по струночке: ать-два!
Хотя по мне — надуманно всё это...
Такой порядок вреден для поэта.
А лучше так: кто в лес, кто — по дрова.

1998

ЧЕТЫРЕ ПАРОДИИ

Белла АХМАДУЛИНА

ВОСЛЕД 31 ДНЮ ИЮЛЯ

Июля тридцать первое число
окончилось, и август пал в остаток
сезона, и избыток звёзд хвостатых
пространство как болезнь перенесло.
Я вся в лиловом. Валенки надев
(а надо бы сандалии: Мусагета
служительница культа я. Но это —
так, между прочим, присказка, запев...)
Отправлюсь у черёмух на виду
от сих рябин, где Та витала вчуже,
в тот дом, куда приглашена на ужин
была я в незапамятном году.
Ещё не родилась из света тьма
и лампой электрической казалась,
когда возник Трезор — какая жалость!-
в мохнатости недоброго ума.
Что делать мне, когда к его судьбе
причастна я: он мне вручил, как милость,
мой посох, тот, с которым я влачилась
ко всем гостям и в том числе к себе.
«Трезор, назад! — молю его, — нельзя!
Я не звана на пиршество с собакой.»
Он скрылся. Скудный дух его, однако,
за мною плыл, покуда шла стезя.
Из двери свет, и явственно блестит
в плафоне то, что мне осветит ужин,
и дух того, кто причинил мне ужас,
ведомый нюхом в кухню, тих и льстив.
Не ужин оказался, а — обед.
Жена соседа, вежливая дама,
листала синий томик Мандельштама:
она была литературовед.

Мне дан обед. А тот, кто шёл за мной,
насытится едва ли до отвала...
Меж тем прибор соседа-антиквара
благоухал телячьей отбивной.
Как страшен тот, я у кого в доме,
мучитель неисправных канделябров!
Он мне ужасен, правнук каннибалов,
причастный к мясу, судя по всему.
Но довершу печальный мой рассказ.
Сейчас четверг, а дело было в среду.
И не напрасно (выше см.) к обеду
на кухню мой Трезор проник как раз.
Он упростил неисчислимый быт,
прокравшись к тем кускам, уж нет которых,
и их пожрал. Но — проку нет в аферах:
он уж не раз бывал за это бит.
Как поведенье нервов назову?
Я сорвалась, и валенок вдогонку
псу просвистел. Я била как по волку,
и вот он мёртв. А я ещё живу.
О этот шквал прицельного огня,
направленный десницей Мусагета,
чья жрица я, как вам известно. Это —
к священной жертве он призвал меня...
(Но посох, принесённый не во вред
псу, для чего на стену средь доспехов
внесён? Где — выстрел? Что сказал бы Чехов??
— Вопросы к Вам, литературовед.)
Я поднялась. Сказала: «Я спешу.
Я, к сожаленью, не останусь к чаю».
А что — Трезор! Его я закопаю.
И даже больше: надпись напишу.

1983

МОЛОТОЧКИ

(Песня для баритона и баса в сопровождении хора)

(Баритон)

Думал, сгинула во мне эта тайна,
и во сне её я не вспомяну,
но поехал раз проведать братана —
ну не позже, как об эту весну.

(Бас)

Власть давно сменённая, речи да знамёна,
классовую сущность по роже видать,
и лицу духовному на хрена икона —
зри портрет Верховного и вся благодать!

(Хор)

Застучали стукачи-молоточки,
то тире стучат, то точки да точки,
и куют, наверно, те молоточки
нам серпы для самой правильной точки.

(Баритон)

Ну, мы выпили с братаном по литру,
стало жаль его, Алёш, говорю, —
погляди-ка на степную палитру,
то ли будет у тебя к февралю...

(Бас)

Мясо, ясно, краденое, сдохнешь от гарнира,
а прогноз по радио — колымский мороз.
Что же его — псу под хвост, заместо сувенира!
Ну, слупил он потрох, и какой с него спрос!

(Хор)

А вы стучите, стукачи-молоточки,
три тире, а по краям по три точки.
По три точки, говорю, по три точки.
Только зря: не получить вам досрочки.

(Баритон)

А братишка был отец Афанасий,
Алексеем кличут только в миру.
Говорил ему: накой тебе ряса,
брось ты к дьяволу всю эту муру.

(Бас)

А я тогда не выдержал, кинулся из ванной,
размахнулся бритвою, как есть нагишом...
Ну, помянем Бобика, дёрнем по стакану —
эх, портвейн массандровский, хорошо пошёл!

(Хор)

Ой, стучите, стукачи-молоточки,
три тире, а после снова три точки,
сколько б вы бы ни стучали три точки —
не носить вам золотых на цепочке.

(Баритон)

А братану всё обрыдло на свете,
а он бритвою прорезал чиряк,
и орут его бесстыжие дети,
и кидаются камнями в собак...

(Бас)

Закопал я Бобика прямо на погосте,
написал на камне, сделал как себе,
а вечером незваные заявили гости —
клерикалы, падлы, стукнули в ГБ.

(Хор)

А когда уже пришли с понятыми,
написали протокол с запятыми,
тут как начали стучать молоточки
по три точки, три тире и снова точки.

(Баритон)

Я сказал: ты пострадал, но не злился,
ну прости им, ты ж всегда был не злой.
И супружница моя, Василиса,
в этом полностью согласна со мной.

(Бас)

Говорят: ты красного кобеля угробил,
за народный ливер ответишь головой,
вся твоя религия — один дурман и опий,
а он, говорят, жертва в борьбе роковой.

(Хор)

И стучат-стучат-стучат молоточки,
не укрыть от них ни буковки, ни строчки,
всё, что было в КПЗ — ещё цветочки,
а тут — три точки, три тире, опять три точки.

(Баритон)

Ну, я чую, не сломить мне братана,
стал он крепок, как консервы «Минтай».
Ну и ладно. Остальное все тайна.
Я не выдам, хоть гестапом пытай.

(Бас)

Ну, потом была Инта, Магадан и Пышма,
10 лет лесоповал, 10 лет — кайлом...
Можно песню продолжать, покамест вся не вышла,
ни царя, ни бога — всё поросло бильём.

(Хор)

И когда мы доберёмся до точки,
что останется? — одни молоточки.
Будут складывать в железные строчки
по три точки, три тире и снова точки.

24.05.1984.

ДЯДЯ СТЁПА И БУГОР

Жил на свете дядя Стёпа,
знаменитый ветеран.
Раз! — и умер дядя Стёпа
в результате старых ран.
Он ведь милиционером
вплоть до пенсии служил,
и до пенсии примером
высочайшим он служил.
Да! Он был высок, как башня,
выше крыши плюнуть мог!
Фраера крутили шашни
меж его высотных ног!
Но, не дав бандитам спуску —
всех паханов, и марух
дядя Стёпа брал на пушку
и, конечно, на испуг!
Дальше всех вперёдсмотрящих
было Стёпе все видать.
Он сыграл в огромный ящик,
в долгий ящик, так сказать.
Уронивши пассатижи,
от трудов почти без сил —
«Даже столб бывает ниже!» —
в морге плотник пошутил.
И шутили землекопы,
отдыхая от работ:
«Яму рыть для дяди Стёпы
хуже, чем газопровод!»
Да, по-нашему, большому,
пыл не тратя сгоряча,
Стёпа жил и помер в доме
на заставе Ильича.

И на похороны мчится,
бросив братъ, колоть и месть,
вся милиция столицы,
чтоб отдать герою честь.
И среди толпы и гама,
глядя прямо на бугор,
произносит речь упрямо
дяди Стёпин сын Егор.
Он известным космонавтом
от звезды летал к звезде,
диссертаций толстых автор
и начальник в ДНД¹⁷.
Сын сказал: «Ну, что ж, мильтоны!
Папы нету, и пора
мне теперь надеть погоны:
поступаю в мусора.
Я — потомственный легавый,
мне сам Щёлоков не брат.
Дяди Стёпы честь и славу
я умножу во сто крат».
Он закончил речь свою —
все заплакали в строю.
И подумал целый строй:
«Сын героя — сам герой!»
Бьют часы, года проходят.
Был учёный — стал майор.
Но — в отставку не уходит:
сын Степанова — бугор!
Он по лестнице служебной
поднимается, стуча,
как со станции подземной
на заставу Ильича.

01.06.1981

¹⁷ добровольная народная дружина.

Бог втыкает рассаду и носит овец на плече,
И не нужно веков за таврической чёрной оградой.
Утром пиво с гитарой для нищих душой москвичей.
Нам же — весь этот мир, и иного не надо, не надо.
Вижу ласточку в небе, Психею, козявок, стрекоз
И из церкви снесённой собак, и когда на рассвете
Кто-то схватит из них кочерыжку, селёдочник, кость,
Виноватую впрямь, что вкуснее, чем те или эти,
И когда именинник хозяин, стучавший ножом
По бокалу, собаку ножом протаранит навывлет —
Это так далеко от нас, как Ювенал и Назон,
Как упитанный Фет и спешащие к станции в мыле.
Когда бабочкой, ласточкой, рыбкой летит из тенет,
Окольцована кем-нибудь, пёсья душа — я незыблем.
Только краешком глаза отмечу: издох или нет,
И подумаю: этому надо учиться у римлян.

1984

СТИХИ ИЗ ЖИЗНИ

ИЗ ЖИЗНИ ЗНАМЕНОСТЕЙ

Знаменитость пошла к знаменитости в гости.
Знаменитость надела приличный костюм.
Знаменитость зубрила в автобусе тосты,
изнуряя забитый экспромтами ум.
Знаменитости дверь знаменитость открыла.
Знаменитость вошла к знаменитости в дом.
Знаменитость сначала в трюмо отразилась,
а бокалы её исказили потом.
Знаменитость блестящую бросила фразу,
что в анналы войдёт — тут сомнения нет!
Знаменитость, её оценившая сразу,
знаменитую шутку сказала в ответ.
Знаменитости, глядя в цветной телевизор,
узнавали друг друга и были горды.
Знаменитости выпили чай из сервиза
(знаменитый, фарфоровый — чистой воды!)
Уходя, знаменитость со знанием дела
похвалила в прихожей старинный офорт.
Знаменитость осталась одна и доела
заливное, горячее, зелень и торт.

1987

ИЗ ЖИЗНИ СЫЩИКОВ

В архив сдаёт дела милейший доктор Ватсон:
Хоть обеспечен тыл, но впереди темно.
Задача ремесла — подольше не сдаваться
пред веком золотым, стучащимся в окно.
По камерам грызут решётки мафиози,
ножом не саданут и не возьмут казны.
Без вора гибнет суд, настало время прозы.
В кутузку б Сатану! Да нету Сатаны.
Юстиция строга, но новых дел не шить ей,
пока, осилив страх желаньем перемен,
не пустится в бега кошмарный потрошитель,
гниющий в рудниках вблизи поселка N.
Пусть только удерёт — и долго не провьётся
веревочка!.. А то — совсем немоготу
бездействовать... Так вот, о чём теперь печётся
печальный Пинкертон на боевом посту!
Себе избравший ту из тысячи профессий,
где лупа и наган — орудие труда,
он курит в темноту, он знает: город тесен,
преступная нога оставит след всегда!
И следователь вновь гремит бревном в камине,
и расцветают вновь секреты ремесла.
Как прежде век суров,
в нём злата нет в помине,
не выдохлось вино, и — предстоят дела.
Он надевает плащ, привычно прячет «пушку»,
бесшумно — шась! — за дверь: искать и находить.
Творящий зло, восплачь,
ибо — ты взят на мушку,
осален, и теперь
тебе
пора
водить.

1985

ИЗ ЖИЗНИ ЯПОНЦЕВ

Я намедни, блуждая во мраке,
и зубами стуча налегке,
опрокинул рюмашечку сакэ,
или — чёрт её знает! — сакэ.
Горстка риса, конечно, не грузди.
Сам себе говорю: Не косей!
и полез на сервант, как на Фудзи,
понимая, что стал я — сэнсэй!
Я надел деревянную гэту,
намотал на себя кимоно...
Восходящее солнце! — Поэту
засветило, конечно, оно.
Ну, покончил я с этою... банкой.
Чем запить? — Церемонии! — Чай!..
И нацелился в публику танкой
(это вроде сонета). БАНЗАЙ!

1986

ИЗ ЖИЗНИ БРЮДЕР ГРИММОВ

Сказал брат Гримм другому брату Гримму:
— Я, падло, из тебя всю душу выну!
И, сухой буду, в Полицай
я стукну, как ни порицай!
Гони от гонорара половину.

Ему на это брат ответил (Якоб):
— Ты, брат Вильгельм, досадно одинаков.
Конечно, я не серый волк,
но автор-то — народ, дас Фольк!..
— Нет гонорара, — молвил он, заплакав.

Но тут смягчился вдруг суровый Вилли.
— Ну, гут, — сказал он, — Яшка, или-или.
Одер вир ге'йн цу тринкен Бир,
одер за Шнапсом лёйфен вир...
Унд данн они драй Банкен раздавилли!

1987

ИЗ ЖИЗНИ ЮДОФОВ

Жил я тихо, никого не трогал,
но меня в смятение поверг
жуткий факт: Корнеев — это Коган.
А Исламбердыев — Мандельберг.

Я — хоть не похож на дебошира —
сионистский разгону дурман:
Сидоров — по бабушке Шапиро,
а его борзая — доберман.

Разогнался — и не остановишь —
по асфальту склизкому Пегас:
Иванова — это Давидович,
а Петров — я извиняюсь — Кац!

Боже мой! В какие палестины
полетело всё, что я люблю!
Оказался Блюмкиным Устинов,
стал Нечипоренкой — Розенблюм!..

Не могу смолчать, не похвалившись,
(как всегда, когда иду на рать!):
я узнал, что Кузькин — это Лифшиц,
в документах указавший мать.

Кузькин! Мать твою — не позабуду,
ибо — показать её резон
всем, кто как бы наш, а сам, иуда,
ежели не Зак, так Либерзон!

1985

ИЗ ЖИЗНИ СИОНИСТОВ

Ваш кумир не наблюдёт уже на столик
(т.е. ужин не закончится скандалом),
ибо свят наш ритуал — скажи, историк! —
и мы дали между глаз ему скандалом.

Может, кто нас упрекнёт, мол, дело мокро —
я скандалом самолично и тому дам!
Что ли зря великолепная семёрка
всё кумекала в Сионе над талмудом!

Так что ваших, почитай, раз-два и нету.
У последних, вон, петля свистит на горле.
Ну и что! — По нашим планам вся планета
скоро станет как Москва — шестиугольна.

Всё идёт согласно тайных «Протоколов» —
и крючком не поступимся малейшим!
Вот у нас и не случается проколов.
Так что чао, господа. Шалом алейхем.

1990

ИЗ ЖИЗНИ ПОЭТОВ

Вот храм Поэзии.
Редакторы — швейцары.
С метлою критики: наводят чистоту.
На курсы повышенья —
на базары! —
прозаиков погнали,
лимиту.
С пегасни во дворе несёт хореем.
Приемлют музы поэкстазно душ.
За гонораром
и за гонорреей
сюда влекутся инженеры душ.
Держи, поэт, по ветру бакенбарды.
Пари высоко, но не чересчур!
Не то завхрамом враз отдаст команду
спровадить кой-кого на саранчу.

1985

ИЗ ЖИЗНИ ГРАНДОВ

Дон Бессильо Задрыгес Инфлуэнца-и-Амба, внук покойного гранда Угостиньо Сквернандо, в час ноль-ноль пополудни отбывает сегодня с палестинцами биться ради гроба Господня. И супруга Бессильо, ясноокая Пьянка, пьёт четвертую склянку (видимо, валерьянку), ведь в Голанских высотах, в духоте inferнальной, долг отдаст дон Задрыгес — интернациональный! Что как злой сарацин уязвит его шпорой, или самаритянка соблазнит мандрагорой, иль забывшего спьяну пресвятую идею в нечестивую веру обратят иудеи?..

Час отъезда подходит. Но с громадной бутылью Вдруг является рыцарь дон Свиньяго да-Вилья. Дон Свиньяго до гроба предан дону Бессильо. Вот они уже оба — вместе с этой бутылью. Погоди, дона Пьянка, пить свою валерьянку, дон Задрыгес, пожалуй, выйдет вон — спозаранку. Он, в конце концов, весел, он здоров и свободен! Ну ещё один вечер гроб потерпит Господень! Но, в разгар вакханальи не прошедшие мимо, входят в замок Бессильо два святых пилигрима. Они грозно взирают на напитки и яства. Взор потупил да-Вилья. Инфлуэнце всё ясно.

И сказал из них старший: «Значит, в землю Святую в час ноль-ноль ты не отбыл. Я тебя арестую. Ты ж не только подводишь сам себя и обитель, ты Спасителя, может, сим поступком обидел!..» А другой пилигрим подытожил негромко: «Стыд и срам дезертирам клерикального фронта! Марш на выход с вещами!» Тут супруга вмешалась и спасла дона Амбу, упирая на жалость.

Донна Пьянка сказала: «Дорогие коллеги!
Не катите на донна Инфлуэнцу телеги,
ибо дон Инфлуэнца и вот этот — Свиньяго —
получили знаменье, чтоб не делать ни шагу.
Уж и конь был осёдлан, и супруг, беспокоясь,
самолично замкнули мне для верности пояс.
Но завыли собаки, и из ясной лазури
вдруг чего-то сверкнуло, и — грома громыхнули.
Металлический флюгер прямо с крыши сорвался,
и из воздуха ангел златокрылый соткался. »

Тут вскричал дон да-Вилья, непотребно икая:
— Это дух, а я думал — это бочка такая!..
Это дух, а не ангел, он как бочка огромный!..
Поднял голову Амба и заметил: «Не помню.»
Донна Пьянка сказала: «Флюгер сломан и ладно.
Ангел же оказался духом донна Сквернандо!..
И воскликнул Свиньяго, в кофе соус накапав:
«Мне покойник был должен восемнадцать дукатов.
Значит, он теперь в духах, как и в жизни повеса:
Не отдал он мне, сука, ни единого песо.»

Тут Задрыгес в Свиньягу запустил табуретом:
«Мой прославленный пращур Вами зло оклеветан!
Я такого не помню, хоть стоял с Вами рядом!..
Пилигримы смотрели подозрительным взглядом.
Рвёт Задрыгес перчатку: туговато надета,
дон Свиньяго вскрывает кобуру арбалета,
громко молятся богу два святых пилигрима,
чтобы в ходе дуэли попадали все мимо.
Донна Пьянка в испуге молча руки ломает,
но берёт себя в руки и дрожа продолжает:
«Дух как стукнет об землю электрическим током,
так у нас три коровы до сих пор ходят боком!
И теперь дон Бессильо принимает лекарство,
чтоб не вылететь всеу в преисподнее царство...»

Дон Задрыгес не слышит — колет воздух рапирой,
арбалетные стрелы в креслах делают дыры.
Дон Свиньяго да-Вилья сто из ста где-то выбил,
и любезному другу он готовит погибель...

В это время и вправду небо застили тучи,
засверкало с востока, дунул ветер могучий,
Донна Пьянка как взвизгнет, что-то в сумочку спрятав:
«Боже! С неба упали восемнадцать дукатов!»
И действительно — деньги показала в ладони.
Тут, оружие бросив, призадумались доны.
Ужаснулись монахи, зазвенела молитва,
и бесславно закончилась неуместная битва.

А дукаты святые пилигримам достались:
ведь не зря же молились, не напрасно старались.
И монахи сказали: «Если так, то конечно.
Неспроста эти штуки, видно, кроется нечто...»
Им лекарства налили и поесть дали тоже,
ведь лекарство, оно же — профилактика всё же!
И поев, пилигримы двое суток молились,
и постом очищались, и потом удалились.
И ушёл дон Свиньяго, этот доблестный рыцарь,
не забыв с донной Пьянкой прегалантно проститься.

Пролетело три года удручающим мигом.
Гроб Господень как прежде — под языческим игом.
На замок заперт замок. Пилигримы забыты.
Донна Пьянка в запарке: то шитьё, то корыто...
Дон Бессильо Задрыгес Инфлуэнца-и-Амба
вечерами играет на *viola da gamba*,
принимает лекарство, пребывает в сомненье:
То ли было знаменье? То ли будет знаменье?..

1987

ИЗ ЖИЗНИ НЕЗАБВЕННОЙ ТЁТИ ШАРЛОТТЫ

Незабвенная тётя Шарлотта
как-то выпила пинту компота,
что пошло ей во вред,
ибо сытный обед
завершила обильная рвота.

Незабвенная тётя Шарлотта
в понедельник упала в болото.
На её вызволение
дал король позволение,
но велел обождать до субботы.

Незабвенная тётя Шарлотта
в родословной имела вестгота.
— Он, — она говорила, —
был известный Аттила,
сын побочный Сафо и Полпота.

Незабвенная тётя Шарлотта
Приглашала на квас патриота.
— Найд! — вскричал патриот, —
Только пиво, Майн Готт!
Я есть немец, и звать меня Отто.

Незабвенная тётя Шарлотта
целый день не снимала капота,
полагая, что днём
ей прилично быть в нём.
Ну, а ночью — другая забота.

Разные годы

ИЗ ЖИЗНИ КРЕДИТОРОВ

Фермер расстрелял семерых кредиторов
Из газет

У фермера семеро как бы по лавкам,
и истин не рóдит с финансами спор.
Не ждите, что фермером будет обласкан
в своём огороде злодей кредитор.
А если их семеро — в чьём это вкусе?!
И так-то коробит нехватка земли;
обкушались клеверу гнусные гуси;
семь тощих коров от козла понесли...

Где грóши, которых со времени Она
не сыщешь, как прямо иголку в овсе?..
А семь кредиторов, как семь Симеонов,
богаты и самодостаточны все.
Как хочется — скоро — калашника вынуть!..
Но вспомните сёмью: они не простят...
А семь кредиторов куда-нибудь сгинут,
как первые семь из дес(я)ти негрятят.

Вы стали, как порох . Умерьте свой норов,
проверьте уменье умножить на семь —
и семь кредиторов, как семеро гномов,
сойдут в подземелья свои насовсем.
Не надо укоров (держите в уме их).
Придите с цветами на бак или ют —
и семь кредиторов, как семеро смелых,
на полюс в «Титанике» славном уйдут.

Довольно повторов: замкнёшься, играя.
Вы ж сами хозяин себе и другим.
А семь кредиторов, как семь самураев,
обслужат себя инструментом кривым.

И славно, без споров, не как посторонний,
достойно и стильно, как друг и кунак,
былых кредиторов помянете скромно
на ихних семи на семейных холмах.

1999

ИЗ ЖИЗНИ ПРЕДСКАЗАТЕЛЕЙ

Сожран синим чудищем, мчу ещё живой,
яблочком по блюдечку вдоль по кольцевой.
Но, под каждой решкою ищущий судьбу,
на Калужско-Рижскую ветку перейду.
Там я абонирую место у окна,
где судьба всемирная будет мне видна.
Глазу завидущему, как бы сквозь кристалл,
светлого грядущего яростный оскал —
как бы в масть бубновую бьёт за битом бит
в измерение новое с будущих орбит.

Этой информацией (почему бы нет!)
мог бы потягаться я с сетью Интернет:
президенты-партии... конъюнктура-спрос...
разрешится в марте ли коренной вопрос...
теорему просто ли доказать Ферма...
перемены в Бостоне... урожаем зерна...
будет курс устойчиво или как — расти...
— Всё скажу. Но кой-чего мне позолоти.

2000

ПОЛУПОДВАЛ

НА СМЕРТЬ ПЕГАСА

Сдох Пегас.
Его протухло мясо.
Сто колбас
сварили из Пегаса.
Я — поэт:
шлифую ремесло.
Сел.
Поел.
Меня и понесло!

* * *

У кого-то едет крыша —
у меня — полуподвал.
Да практически я выше
никогда и не бывал.

* * *

Поэтом можешь ты не быть,
но графоманом быть обязан.

* * *

С утречка, как рассвело над болотом —
прилетело НЛО самолётом.
«В нём посланцы высших сил, супермены!» —
сразу понял уфифил дядя Гена.
«Хорошо б оно ушло б восвосяси!» —
испугался уфифоб дядя Вася.
А районный уфифаг дядя Гера
вынул челюсть кое-как из фужера,
вышел, зубы наголо, в позолоте,
и — не стало НЛО на болоте.

* * *

У вас душа широкая — русская.
А у меня еврейская: узкая.

* * *

Душа Поэта — это же термометр!
В ней трепет ртути стонет и стыдит.
Прозаик же напротив, арифмометр:
Тыр-тыр — и вот вам дебет и кредит.

* * *

Стихи мои — праздник: шутих
в них много, хлопущки и вата.
И краткость присутствует в них.
Вот с братом её плоховато.

* * *

Всё хотите про жизнь, мол, как она?
Вот вам быль из её глубин.
У Попова была Собакина.
Только он её не любил.
Попрекал её, делал пакости —
скатерть мятая, суп не тот...
И совсем уже распоясался,
когда кто-то съел антрекот.
И пошло у них всё, как писано —
текст известен, как се ля ви...
Уголовщина не зависима
от любви или нелюбви.
Ну, а жизнь — горит вечным факелом
и наяживает свой ритм.
— Эй, Попов! Где твоя Собакина?
— Что я, сторож ей? — говорит.

* * *

Мне нужен в каждой строчке,
как говорится, фольтик,
чтобы оттуда рожки
казал весёлый чёртик.
А через годы — Ну-ка! —
матёрый крикнет чёрт, —
Поэзия — наука,
искусство или спорт?!

* * *

В моей душе темно и пусто,
все растерял ориентиры я,
и я не делаю искусства,
его искусно имитируя.

* * *

Богатые обслуживают бедных
в столовых и в салонах всей страны.
Богатые обжуливают бедных,
и бедные от этого бедны.

* * *

Мечусь, как пума по вольере,
к тебе имею интерес.
Ты — Моцарт? — Значит, я — Сальери.
Ты — Пушкин? — Ну, а я — Дантес!
Прибью, приличия отринув
и гневом праведным горя...
Ты — Лермонтов? — А я — Мартынов.
Ты — Дездемона? — Яго я!!!

* * *

Мы фауну вниманьем не оставили,
над тварью всякою расплачемся дрожа.
Они ведь нам меньшие братья, Авели,
и разве мы для них — не сторожа?

* * *

Люблю искусство и науку
за их великие дела.
Сам А великий дал мне руку
и Б великая дала.

К***

У Вас гордыня из смиренья
торчит, как дыня из варенья.

* * *

Определённые круги
сожрали с мясом пироги,
а также с луком и с вареньем —
с глубоким удовлетвореньем!

* * *

Синие птицы счастья
носятся в облаках.
Удачники рвут на части
перья с подобных птах.
А мне — даже если сладить
удастся с ней кое-как —
я верю: она обгадит
мой выходной пиджак.

* * *

Не всё же кидаться под танк и на дзот,
и рвать напоследок рубахи...
Возьмёшь иногда УПК или КЗоТ —
и пукнешь в неведомом страхе..

* * *

— Как устроен тахион¹⁸?
Как частица, так и он!

* * *

Пока поэт — я пользуюсь Вселенной,
ловлю душой миров тревожный гул.
Но лучше быть прозаиком презренным,
когда душа берёт отгул.

* * *

Надо мною парят корифеи,
головами качают в такт.
Только я не уразумею —
одобрительно, или — как?

* * *

Навёл порядок на столе
и начал жизнь сначала.
Такую жизнь, чтоб на сто лет,
а не на полчаса.
Цвёл отражением в стекле.
А это означало,
что всё путем, и время тлеть.
И праздник начался.

¹⁸ частица такая.

* * *

Ксенофонт — Теренцию:
«Все — на конференцию!»

К МАТЕРИИ

Ты — пристанище духа.
Ты — сознанья квартира!
Что же лезешь ты, дура,
в эти чёрные дыры!?

* * *

Поэзия это шкаф .
Д.Хармс

Мы, товарищи, в прозе квакаем,
а поэзия это — Шкаф!..
Я словил многомерный вакуум — Кайф!

* * *

— Как, Саша, дела?
— Как сажа бела?

* * *

Зачинателю звонкой идеи не страшно
закачаться, вися в мировом сквозняке.
И полез Галилей на известную башню,
разноцветную гальку имея в руке...

* * *

Пуская в ход приметы и уловки,
шептала ты ему на остановке:
— Я жду тебя! Приди и будь моим...
Тридцать девятый был неумолим.

* * *

Во сне до утра
я боролся с собой.
Коснулся бедра
и проснулся хромой.

* * *

— Да не заветы вождя,
а завеса дождя!

* * *

Баллада должна быть с сюжетом.
Всегда надо помнить об этом.

ПОКУПКА ПИАНИНО

Я фиг бы знал про *forte, piano*,
бемоль, ха-молль или мордент,
когда б, заместо фортепьяно,
купили, скажем, мы мольберт!
Зато на память и не охнув,
я б объяснить любому мог
про перспективу, сурик, охру,
про линию и про мазок.
И даже боязно представить,
какой в познаниях глубины
достиг бы я, когда бы справить
вместо мольберта — мне штаны!

БЫТИЕ И СОЗНАНИЕ

Нырём в мироздание, как рыбка в водоём.
И в очередь Сознание встаёт за Бытиём.
Но морщит лоб Сомнение и портит цвет лица:
— А ну как, тем не менее, движение — с конца?
Материя — обмылочек духовных пирамид,
а Бытиё — в затылочек Сознанию сопит!

ОЛАДЬИ

Я весь в руде, и, вроде, в радий
её, словесную, дробил.
И захотелось вдруг оладий,
и я оладий попросил.
Я думал: «О, когда, когда же!..»
и топотался у плиты..
Вот сковородка, соль и даже
дрожжей уже вложила ты...
Пока ты жарила оладьи,
а я одну упёр, как вор,
сел воробей на бюст Палладе
и кукарекнул: «Невермор!»

ЖАРЕНАЯ КЛАССИКА

Про рифму знать не ведаю, покуда —
стоим. И вся поэзия — пустяк.
Классическая жареная кура
в стальных моих крушится челюстях.
Но лишь вагон тряхнёт трехфазным током,
сглотнув рябой километровый дух —
меня как клюнет, скажем, пятистопник,
классический, как жареный петух!
И вот из самых молодых зелёный,
созвучный всем, кто лает и жужжит,
мой стих, как тот классический цыплёнок,
пищит и безусловно хочет жить!

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Имея левую руку с извилиною громадною,
я уважаю науку оккультную — хиромантию.
Она объясняет веско,
что жизнь мне дана не наскоро,
что много в ней счастья, блеска,
что бабами вся заласкана.
Мне хиханьки все да хаханьки,
мне до ста — тосты да танцы...
Но кто это там, такой махонький?..
Клешней к извилинке тянется...

БУДИЛЬНИК

Счастливые будильников не ставят.
А если ставят, значит, не заводят.
А если и заводят, то — на поздно.
А если и на рано, то — не встанут.
Счастливые будильников не ставят.
Они кладут будильник под подушку.
Они — если будильник их разбудит —
его швыряют прямо за окошко.
Счастливым невдомёк, что за окошком
несчастные торопятся на службу.

ДИАЛОГ ПРО ФАЙФ О КЛОК

— Файф о клок, — говорите?
— О клок, говорю.
— Попрошу, повторите...
— Оглох? — Повторю!
Говорю — файф о клок!!..
— Что же жду я!?
И — бежать со всех ног
в проходную.

* * *

Форма, видите ли, срослась с содержанием,
но страдает содержания недержанием.
Льётся оно наудачу из формы...
Вот и я придерживаюсь той же платформе.

* * *

Лелею обособленность души.
Из злых глаголов выставил охрану.
Моя дорога к храму не спешит,
а именно проходит — мимо храма.

* * *

Я слово позабыл, что я хотел сказать.
Я мысль забыл, что я хотел подумать.
Забыл фломастер и тетрадь. Забыл пожрать.
Забыл, кто я и что такое рифма.

* * *

Если гаснут киловатты,
в темноте не виноваты,
если вдруг подскочит плата,
если блата торжество —
не реви, как зверь в пещере.
Рвать власы — занаятье черни.
Всё — лишь комплекс ощущений
и не более того.
Если раньше было лучше,
если вдруг сгустились тучи,
если беды неминучи
и минут смертелен счёт,
то не надо корчить рожи
и на чёрта быть похожим —
ощущений комплекс всё же,
а не что-нибудь ещё!

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

Май знаменит синевой —
тут двух не может быть мнений.
Август силён грибами.
Сосульками март пропах...
Что хорошо зимой,
так это «зимнее время»:
целый законный час
нежишься в простынях.

НЕУДАЧИ

Там винт не вертится, там шина не годится.
Казалось, перси — оказалось, ягодица.
Весь профит пропит как-то ненароком.
Анфас и профиль выходят боком.

* * *

Зачем одеваться, моя дорогая,
не прячь под одеждой красы.
Адама и Еву прогнали из рая
за то, что надели трусы.

14 ЛИМЕРИКОВ

1.

Старичок графоман из Оксфорда
сочинял не роман, а кроссворды.
Но решив свой кроссворд,
закричал он: «О чёрт!
Это ж лучший роман для Оксфорда!»

2.

Старичок, проживавший в Таганке,
невзлюбил БТРы и танки.
он закинул протез,
расчесал ирокез
и подался с супругою в панки.

3.

Старичок почитатель балета
всё скрывал свои многие лета,
был кругом молодцом,
но со скорбным лицом
шёл в трамвай и в метро без билета.

4.

Старикан, не скажу имя-отчества
изрекал: «Ничего мне не хочется!»
А хотел-то — любви.
Такова се ля ви...
Да ему и теперь её хочется.

5.

У седого завлаба из ЦЕРНа
околела домашняя серна.
Знать, пошёл ей не впрок
р-мезонный поток
с циклотрона завлаба из ЦЕРНа.

6.

Жил один сумасшедший в Австралии,
собиравший в мешочек фекалии.
Он потом аккуратно
рассыпал их обратно
по горам и равнинам Австралии.

7.

Неудачливый бомж из Парижа
всё хотел переехать поближе.
Но бомжи из Москвы —
патриоты — не вы!
Не меняют Москвы на Парижи!

8.

Два еврея из Новой Гвинеи
знать не знали, что значит «евреи».
Но их вождь (сам из гоев)
их держал за изгоев:
за евреев из Новой Гвинеи.

9.

Диссидент с мыса им. Дежнева,
в своё время обидевший Брежнева,
с незапамятных пор
власть не видит в упор
с мыса этого, как его... Дежнева.

10.

Некий фраер в Антананариве,
проживавший по липовой ксиве,
как-то здорово влип,
ибо отроду лип
не видали в Антананариве.

11.

Шофера и шахтёры Игарки
получают на бедность подарки.
Из Афин кружевница,
безработный из Ниццы
помогают далёкой Игарке.

12.

Президент Тринидад-и-Тобаго
жѐг с утра и до ночи бумагу —
в интересах прогресса!
И свободная пресса
умерла в Тринидад-и-Тобаго.

13.

Крысолову из города Гаммельна
звуки флейты казались неправильны.
Он однажды на крыс
заорал просто: БРЫСЬ!
И сбежали все кошки из Гаммельна.

14.

Мне нравятся первые леди,
а также вторые и третьи.
Мадам или фрау
мне тоже по нраву
и скво у меня на примете.

* * *

То днями кумекаешь и — ни гу-гу,
а то вдруг как нáзло — могу и могу.
Нетленку бы тут-то бы и создавать,
а — хочется спать.

* * *

Однажды некто в общепите пива
спросил и тут же пиво получил.
Его сосед поморщился брезгливо,
поскольку пива он не выносил.
Ему вносил ядрёный квас в стакане
сам мэтрдотель, усач и патриот.
Не пьющий пива пива пить не станет,
тогда как пьющий пиво пиво пьёт.

* * *

Дневник невнятных ощущений...
А текст, как говорится, сам
проявит Истину — как гений,
душой летящий к небесам.
Не чудо ль это! Смысл точёный
из завитушек воссиял!
Повергнись ниц, мон шер учёный:
лишь в слове — истины фиал.

* * *

Кругом народ. И я с моим народом —
накоротке.
Дышу совместным сероводородом
в одном совке.

* * *

Негде ставить пробу пера.
Нет бы славить кого вчера.
Что в свободе, когда без рифм
происходит один верлибр!

ХОЛМС И ХАРМС

— Есть на свете много стран-с.
Столь же стольных городов-с.
— Ну, опять завел романс!..
Это ж просто парадокс!..

— То, что я пишу стихом-с,
так обучен я стихам-с.
Вот. И жил в столице Холмс.
А в другой столице — Хармс.

Оба трубочку курили.
Оба скрипочку любили.
Одного из них убили...

* * *

Вот я читаю Губермана.
Он был в тюрьме.
На волю — с небольшим романом.
В своем уме.
Там, говорит, не так уж плохо.
Дружил с ворьём.
Вот переменится эпоха —
и мы поймём.

* * *

Всю б жизнь легко — гулякам праздным —
пройти нам.
Да не проходится по разным
причинам.

* * *

День без строчки — ничего.
Два без строчки — ничего.
Три без строчки — ничего!..
И она таки стала его.

* * *

Мещане спят, сто грамм приняв —
без всякого движения.
А гений — нюхает рукав
и ловит вдохновение.
А гений скушал огурец
и снова пьёт галлон до дна...
Нам не хватает позарез
такого Джека Лондона!
Ему на градусы начхать —
махнёт, заест оладушком,
а после — как пойдёт махать
резцом, или по клавишам...

Поднёс и я б ему стакан,
да хоть бы виски с содовой! —
и ни хрена б он не был пьян,
ещё б и не распробовал.
Кричит: «Давай!», кричит: «Ещё!»
Кто гениальней гения!..

Вот и мораль. Ну, я пошёл.
Привет.
Моё почтение.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Зубы редкие оскалья,
искажающие рот,
еду к станции «Тверская»
и иду на переход.

* * *

Мысль о том, чтоб был к порядку
призван каждый иудей,
входит в первую десятку
государственных идей.

* * *

Шёл за милкой во лесок,
поднял милкин волосок.
Не склоню я милую,
дак я её склонирую!

* * *

Весна! Пора постмодернизма.
Хоть и не Болдинская, но — ...
Эх, пропадай моя харизма —
все четыре домино!

* * *

Как тресну кулаком по столу я!
Да как вспомню про такую-то мать!
— Умри, но не давай поцелуя!
Моду взяли — поцелуи давать!..

* * *

Что я могу сказать учёному,
не я, а этот стих, верней?
— Неисчерпаем кварк по-чёрному,
хоть на троих его разлей!

* * *

Снова радость крупным помолом,
основание куражу:
из туннеля метро на волю
с чистой совестью выхожу.

* * *

Раз (в пылу, конечно, спора)
Архимед воскликнул: «Ну!
Дайте только мне опору —
землю всю переверну
на фиг!..»

* * *

Маскарад: Адам в костюме Евы.

* * *

— Зачем тебе жена чужая?
Ведь у тебя своя семья!
— Одно другому не мешает, —
цинично отвечаю я.

* * *

Скушал яблоко Ньюто́на,
взвесил — Евы и Адама.
Оказалось, надо было
поступить наоборот...

* * *

Красненькие ворота.
Чистенькие пруды.
Каменные палаты.
Праведные труды.

* * *

Я вообще-то домосед,
не бываю в ГУМе я.
Мне бы в чайную сходить,
выпить чай с печеньем...
Хорошо бы этот бред
моего безумия
не попался в руки лиц,
связанных с лечением.

* * *

Воскресным вечером, сверкая
в преддверье искристой черты
вы пронёсете радость рая
в края росистой красоты.
А в понедельник полнолунием
в часы любви вблизи моста
автобус злобный и бесшумный
давил влюблённого кота.

* * *

Со временем становимся мы мудрыми,
постигнув жизни нудное ученье:
шедевры создаются ежеутренне,
а в унитазах летят — ежевечерне.

* * *

Покривилась и спеклась парадигма.
Счёт идёт не на рубли — на караты.
Правду трудно говорить и противно.
А что делать, господа демократы!

ПОЕДИНОК

Мария Ильинична с Анной Петровной
пьют чай с чем попало и дышат неровно.
Пред ними мерцает экран голубой.
На нём разгорается бой.
Там Анны Петровны единственный Паша
с любимцем Марии Ильиничны Сашей
(красавцы, спортсмены и кровь с молоком!)
друг другу грозят кулаком.
Давно ли друзей одного от другого
развёл по углам тренирующий Вова!
И вот они встали врагами на ринг,
надеясь на хук или свинг.
Движения Саши изысканно грубы,
но Пашины губы поджаты сугубо.
Ух, Паша! Он ранний, хоть из молодых.
И вдруг — ударяет под дых!
Мария Ильинична шепчет бескровно:
— Твоё воспитание, Анна Петровна,
всегда, извини, оставляло желать...
Не стыдно тебе? Ведь я — мать!
Лишь Анна Петровна вздохнула притворно
и к блюдцу склонилась, поникшая скорбно,
очухался Саша, подпрыгнул, и вот —
успешно провёл апперкот.
Да! Так хорошо не лупил никогда он!
Противник повержен в глубокий нокдаун.
К нему моментально спешит рефери,
считает своё раз-два-три.
А Анна Петровна привязана к сыну,
и через антенну, как сквозь пуповину,
она ощутила ужасный удар
и речи утратила дар.

Грядёт поражение Пашино. Девять.
Но Паша, на лучшее всё же надеясь,
встаёт, и тот Вова трепещет в углу,
и гонг прерывает игру.
Вот так, с напряжением нами воспетым,
проходит турнир с переменным успехом.
Удары, свистки, восклицания, клинч
и гонга воинственный клич.
А в кухне два кадра забытой конторы
согласно гадают: который, который??
Считают, что лучше бы был волейбол
и кушают свой валидол.
А я бы сказал им: «Бабули, не надо!
Неважно, кому из них светит награда.
А важно, что чем бы ни кончился спор —
с победой останется — Спорт!»

ЧАС ПИК

Ты стоишь ко мне так близко,
прислонясь к стеклянным стенам,
что меня, как террористка,
поражаешь сексагеном...

* * *

Графомана эпигон
призывает выйти вон.
Эпигону графоман
говорит: «Держи карман!»
Графоману эпигон
говорит, что он бурбон.
Эпигону графоман
отвечает: «Сам болван!»

* * *

Не в Азию визу,
не ключик кастальский,
а то, что не надо —
купил телевизор,
а он оказался
исчадием ада.
Мне только и свету —
футбол в воскресенье,
мне ж по фигу книжки!
Казалось бы, нету
греха в микросхеме,
а наось поди ж ты!
Экрану подлюке
как есть всё едино —
что секс, что насилье:
кошмарные глюки,
разврата лавина...
— Чего же купил я!
Ну ладно бы друг па-
радоксов Капица —
про ямбы, про бомбы...
А там только трупы,
девицы-певицы
и прочие зомби.
Исчезни, виденье
чернухи блевотной,
назад мои баксы!
Сиё же мгновенье
на баб и на водку
меняю — и баста!

* * *

В состоянии помятом
расщепить невозможно атом,
и нельзя ругаться матом,
хоть и хочется весьма.
Я на мостике горбатым
занимаюсь сопроматом:
нам, практическим приматам,
это — пища для ума.

* * *

В комнате, похожей на мою спальню,
человек, похожий на меня
читает нечто, похожее на стихи
женщине, похожей на мою жену.

* * *

Иной всю глаголу рад
и жжёт сердца им обязательно.
А мне он — полуфабрикат
для отглагольных прилагательных.

* * *

Не отказывайте мне в праве человека —
как устроен этот мир, ничего не знать
и не ведать, шевельнёт ли Всевышний веком,
дабы поощрить меня либо наказать.

ИЗ ДНЕВНИКА ПОЭТЕССЫ Х.

Как много поэтов —
хороших и разных!
Побольше бы было
из них незаразных!

* * *

Повстречала босса я,
голая и босая.
Голая и босая,
повстречала босса я...
Да, сказать по правде, босс
тоже был и гол, и бос.

* * *

Симе

Когда иду я умываться,
а там побриться мне придётся —
со мною можно целоваться
и не бояться уколоться!

* * *

Недолго буду тем любезен я и этим,
а может, кто вообще со мною не знаком,
ведь изо всех Римов видал я только третий,
а из свобод — статуи на снимке на цветном.

ДВА(е?) ХОККУ

1.

Осень. Седина.
Юношескую клейкость
помнят ли листья?

2.

Как в магазине
отключается память:
попачеечно.

* * *

Раввин исподтишка
в Алеппо:
— Крещение, батюшка,
нелепо!
А под Рязанью
поп раввину:
— А обрезанье —
поправимо?!

СУЕТА

В 12 без малого
Я прибыл в Измайлово.
А где-то в пол-третьего
уже в Шереметьево.
Был в 8 у выхода
на станции Выхино.
Пробило 11 —
куда бы мне кинуться?..

ТРИПТИХ

1. Мешает грёзам о Прекрасной даме
Мужская солидарность с кобелями.
2. Девушка моей мечты,
обнажённая почти...
3. О, счастливчик!..
Она снимает лифчик!..

* * *

Не подвергай меня харрасменту
и об импичменте забудь,
ведь я тебе не девка красная,
не президент какой-нибудь!..

* * *

Я неведомый поэт,
неизвестный никому.
От меня исходит свет,
только он похож на тьму.

* * *

А за антибукера ответишь!

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Уважил дядю честных правил
И — на село, наследство взяв.
Татьяну Ларину оставил
Покамест в девках. И в слезах.
К крестьянам добр, но зол на деле,
Довёл он друга до дуэли,
Где самолично застрелил
И сразу за рубеж отбыл.
Вернулся, и — на бал. Татьяна —
за Греминым. Ну, ничего.
Он просит, чтоб она — его
Была. Она в ответ: «Не стану!»
Какой позор! Какой скандал!..
Его я больше не видал.

Итак, я жил тогда вот здесь...

* * *

— Ну-с, как Вам кризис?
— Кризис классный!
— А мне казалось, дело швах...
— Вы что-то белый...
— Нет! Я — красный!
Весь день стою в очередях.

* * *

Ввалишься, злой и голодный, как волк —
тут же жена, как мегера с работы.
Выполнишь, как же, супружеский долг!..
Снова сухие взаимозачёты.

* * *

(по поводу отключения горячей воды)

На кране одном
написано «хол.»,
На кране другом —
«хер».

* * *

Когда за окном загорится звезда,
собой затмив золотой окоём —
зашедший в тупик по дороге труда,
я сяду с тобою на поле одном...

БАБА С ВОЗУ...

Когда красавица выходит из кареты
и шелестит щекотным шёлком кринолина
или в наряде от Диора да Версаче,
захлопнув дверцу, покидает иномарку —
мгновенно ввысь уходит нежный истребитель,
сучит копытами мустанг членистоногий
и распирает вольный пар локомотивы
экономической силой лебединой.

МИХАЛНА И ОСИПЫЧ

И говорит Михална Осипычу

(они на лавочке сидят над прудом):

— Эх, нам бы, Осипыч, с тобой кирпичу какой бы мы с тобой отгрохали дом!..

— Ты что, Михална, заболела? Окстись!

Тебе трёхкомнатная разве мала!

Ты только вспомни, у Петровны надысь фазенда полностью сгорела, дотла.

— Ты мне Петровну непутёву не тычь.

Она же, дура, не промазала брус.

Тем боле, я ж тебе талдычу: кир-пич!

Огнеупорный!.. Нет, ты слышала, Дусь?

(Тут Евдокия шкандыбает с мешком):

— Слышать-то слышу, только в толк не возьму.

Огнеупорный чтой-то мне не знаком.

— А ты куда? — Морковь на рынок везу.

— Почём морковка-то?.. Гляди, одна шваль.

— С ботвой дороже, за кило четвертак.

— А если оптом — это Осипыч встрял.

— А если оптом, то бери хошь за так.

— Михална, слышь, дают ботву задарма!

— Ну, размечтался, держи ширше карман.

Трухою ейною набьёшь закрома

в ущерб высококалорийным кормам!..

— Нет, баба Дуся, тут выходит облом.

Твоей морковки дармовой не хочу.

Вот мы с Михалной бы отгрохали дом,

дак не укупишь ни хера кирпичу...

* * *

Пожилый графоман исписал половину тетради,
почесал себя за ухом, хмыкнул и выпил воды.
Полежал, отдохнул, и словечка единого ради —
ну опять колупать безнадёжные горы руды.

* * *

Коли ад не гадостен,
то и рай не радостен

* * *

Не обещаю убещюра,
ищу разумного...
— Молчи! — сказала тётя Шура, —
Сойдётся за умного.

* * *

Эй, красивая, ну-ка, в чём дело?
Обожди, не боись, ты чего?
Неужели и жизнь очумела,
очумела, как вшивое ЧМО!

* * *

Светит солнце для чего-то,
цель у солнца — освещать.
Вот и я свою работу
завершив, несу в печать.

* * *

Я в малиновом пальто,
импозантный, как никто

* * *

Эх, в шоп
хорошо б!

* * *

Мораль сей басни токовала

* * *

Пора бы посетить Европу
и Азию, и Новый Свет...
Не жди, читатель, в рифму «жопу»,
учти: такого слова нет.

МАНОН ЛЕСКО

1. В тёмную ночку
скинет сорочку
и — на перину
без кринолину.

А шевалье де Грие
в одиночку
выкатит бочку
адреналину.

2. Отличен от Манон Леско я
обличием: оно мужское.

* * *

— О чём Вы думаете, Вова,
во время акта полового?
— Я размышляю, тётя Лена,
о беспредельности Вселенной.

* * *

На службу ль тороплюсь,
иль еду ли домой —
мне хочется спросить
себя в своей тетрадке:
— Козьма, невыносимый пращур мой!
Зачем твои волосы подъяты в беспорядке?

* * *

Некурящий и непьющий,
целомудренный почти —
Боже правый, всемогущий,
я же ангел во плоти!

* * *

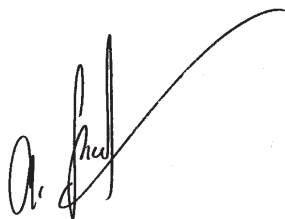
Пришла весна, весна, пора —
готовить суп из топора.

* * *

Бессонница. Комар. Такая полоса.
Я списывал рецепт и, изучая вина,
последствия сравнил, как будто полюса,
и вышло, что на всех одна и та же льдина.
Бессонница. И вот — бессилён сам Морфей.
Напрасно бьёт крылом, выделявая пассы,
напрасны все ходы, что у него в запасе,
и заклинательная музыка морфем.
Я думал, музу призову, и вот —
закончен с ней роман (когда он не приснился!)...
С бессонницей легко бы справился Эрот.
Но, к сожаленью, он не появился.

* * *

Время — час пик.
Я зашел в тупик.
Подпись: Воловик.

A handwritten signature in black ink, consisting of a stylized 'V' followed by a long, sweeping horizontal line that curves upwards at the end.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕЛИОТРОП И КУПОРОС

ПО СПИРАЛИ.....	7
НЕ ПРО ЭТО.....	8
ПОТОК ПОДСОЗНАНИЯ.....	9
К МЫСЛИ.....	10
ЛОГИКА.....	11
Покамест мы пытаемся.....	12
Какое имеешь ты право.....	13
Распалась связь времён.....	14
КОГОТЬ.....	15
ЗА ЖЁЛТЫМ МАСЛОМ.....	16
КАК ПРИНЯТО.....	17
ПЯТЬ СТРОФ.....	18
ДЕЛЕНИЕ.....	19
Я жрец жратвы, питон питанья.....	20
МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО.....	21
АЛЕКСАНДР.....	22
ПОДУМАЕШЬ, БИНОМ НЬЮТОНА!.....	24
О МРАМОРНОЙ ДОСКЕ.....	26
У менестреля и министра.....	27
ГАММА.....	28
ДУБЛЁРЫ.....	29
Нежностью книжника тронута книга чудес.....	31
СТАНСЫ РОБИНЗОНУ.....	32
Разноцветного фонарика.....	33
Но, в конечном итоге.....	34
ОТЛАДКА.....	35
НОГА ЧЕЛОВЕКА.....	37
ЧТО ДЕЛАТЬ?.....	38
ЭПОС И ПАФОС.....	39
СБИВАНИЕ СОСУЛЕК.....	40
О ЕДЕ.....	42

РАННЯЯ ВЕСНА.....	43
РАССЕИВАНИЕ В НИЧТО.....	43

ПОСОЛ ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ

Как устроен этот мир.....	47
Опять всё застыло?.....	48
Тяжело в раю.....	49
Кощей висел в углу чулана.....	50
кратких биографий.....	51
Бог создал бороду.....	52
ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ.....	53
ОТ ИОН.....	54
Головою я, не при дамах сказать.....	55
ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ.....	56
Оскар Уайльд и Ерофеев Веня.....	57
Серебряное время, слом эпох.....	58
ПАМЯТИ Г.В.САПГИРА.....	59
ДЕВЯТЬ ДНЕЙ.....	60
БОЛЕРО.....	61
МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ.....	62

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР

Шрифт включает Ё и знак вопроса.....	65
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР.....	66
МОИ ОСЬМИНОГИ.....	67
ИЗ ПЕПЛА.....	68
В МЕТРО.....	69
ПРОРОК.....	70
ПАМЯТНИК.....	71
Вот я пишу. А ведь мог бы.....	72
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....	73
Как сказать – тихо, или погромче?.....	74
Душа моя, я бессловесный твой.....	75
ПОЭЗИЯ. СТАНСЫ.....	76
Дело, может быть, совсем не в том.....	77

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ.....	78
Не надо глупостей нести.....	79
ИГРА.....	80
МУЗЫКА.....	82
ЗАВИСТЬ.....	83
БУКВЫ И ЦИФРЫ.....	84
ДОГОВОРЁННОСТИ.....	85
Мои стихи формальны, не душевны.....	86
Палиндромы, анаграммы.....	87
УЛЁТ МУЗЫ.....	88

КАРНАВАЛ

КОФЕЙНЫЙ АРОМАТ.....	91
НЕКСТАТИ О ПТИЧКАХ.....	92
СКАЗКА.....	94
БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ.....	95
1933.....	96
ВОПРОСЫ К ПРАВЯЩИМ КЛАССАМ.....	97
Вкусно мастера потчуют власти.....	98
ДИАЛОГ, ПРЕРЫВАЕМЫЙ СТУКОМ.....	98
К ХОЗЯЕВАМ.....	100
КЛАССОВЫЙ ВРАГ.....	101
МЛАТ.....	102
ВЕДЬМИН МУЖ.....	103
МУЗЕЙ.....	105
Наверху идеологи видные.....	406
ДЕЙСТВИЯ.....	407
СЫНЫ.....	108
ПОСЛУШАНИЕ.....	109
ЦИРК.....	110
ПЕСЕНКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИКОВ.....	111
Не искушал меня лукавый.....	113
СТИХИ О ДРУГИХ СТИХАХ.....	114
Качусь по родной икебане.....	115
А и Б.....	116

КАРНАВАЛ.....	117
НОЧЬ.....	118
АВГУСТ-91.....	119
Так и живём, значит, сэр Джонатан.....	120
ДВА КАЗИНО.....	122
В понедельник каждый-всякий.....	124
В ТРАМВАЕ.....	125
Мне сказал писатель Ш.....	126
ВРЕМЯ НЕПРОСТОЕ.....	127
БОЛЕЗНЬ ЛЮДОЕДА.....	128
ХРОНИКА ПЕРЕСТРОЙКИ.....	129
СОВКИ И ЧАЙНИКИ.....	133
21 СЕНТЯБРЯ 1993.....	134
Когда пришёл Советам.....	135
Иллюзии, куда попрятались?.....	136
По новой линии метро.....	137
ВОНЮЧИЕ МАЛЬЧИКИ.....	138
Москва! Пречистенка, Арбат!.....	139
Подобно мне будь независима.....	140
Секунды притворяются невредными.....	141
Как игрушечка, нам космос упакован.....	142
ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК.....	143
БОЛЬШОЙ ГОРОД.....	144
Свобода, здравствуй!.....	145
ГОРКА СЛОВ.....	146
Извилины как ясли мысли.....	148
УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР.....	149
ГЛАГОЛЬ.....	150
КОНЕЦ СПИРАЛИ151	
<i>ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК</i>	
УТРО.....	155
РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ.....	156
Как это я забыл о том.....	157
В ностальгическом дизайне.....	158

ВЕСНА.....	159
ВОСПОМИНАНИЕ.....	160
РАЗГЛЯДЫВАЯ ДЕВУШКУ.....	161
И никто, кроме зрителей нежных.....	162
Птица голубь на фоне помойки.....	163
ГОРОДСКОЙ РОМАНС.....	164
ОБМЕН.....	167
Я не живу с твоей карточкой.....	168
Остановясь на полушаге.....	169
Строчу привычно.....	170
Между экватором и полюсом.....	171
СТРИПТИЗЁРКА.....	172
РОМАНТИКА.....	173
К ЖИЗНИ.....	174
ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК.....	175
Катастрофически быстро старею.....	176
Постарел и в поликлинике.....	177
При помощи районной Айболитихи.....	178
Надоело крылатой красуле.....	179
ИГРОТЕКА.....	180
Теперь, когда и секс идёт на убыль.....	181
Всё кажется – время вертится.....	182
ПОВОД К ПЕРЕБОРУ.....	183
О мои однокурсники!.....	185
Осиновый листик летит к пигментологу.....	186
СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ.....	187

ВЕНОК ИЗ ЖИЗНИ

ВЕНОК СОНЕТОВ О ВЕНКЕ СОНЕТОВ.....	191
<u>ЧЕТЫРЕ ПАРОДИИ</u>	
ВОСЛЕД 31 ДНЮ ИЮЛЯ.....	199
МОЛОТОЧКИ.....	201
ДЯДЯ СТЁПА И БУГОР.....	205
Бог втыкает рассаду.....	207

СТИХИ ИЗ ЖИЗНИ

ЗНАМЕНИТОСТЕЙ.....	208
СЫЩИКОВ.....	209
ЯПОНЦЕВ.....	210
БРЮДЕР ГРИММОВ.....	211
ЮДОФОБОВ.....	212
СИОНИСТОВ.....	213
ПОЭТОВ.....	214
ГРАНДОВ.....	215
НЕЗАБВЕННОЙ ТЁТИ ШАРЛОТТЫ.....	218
КРЕДИТОРОВ.....	219
ПРЕДСКАЗАТЕЛЕЙ.....	221
ПОЛУПОДВАЛ.....	223

Литературно-художественное издание

Воловик Александр Иосифович

ДОГОВОРИМСЯ О ВРЕМЕНИ

Стихотворения

Формат 60 x 84/16 Бумага офсетная.

Гарнитура «Mysl». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,0 Заказ № 000

Тираж 500 экз.

Издательство «НОВАЯ ПОЭЗИЯ»

Редактор А. Ларионов

Художник М. Волохонская

Верстка А. Ларионов

Фото М. Бурлацкий, В. Строчков

Электронный вывод и печать

в ППП «Типография «НАУКА»

121099, Москва, Шубинский пер., 6